
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324518 0

1000

1945

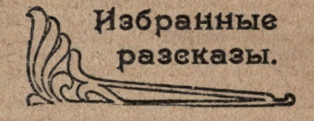
СКИТАЛЕЦЪ

(С. Г. ПЕТРОВЪ).

Избранные разсказы.

Скиталецъ.

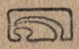

Изданіе редакціи журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ".

1913.

Типографія „Т-ва Худож. Печати“, Спб., Ивановская, 14.

Ранняя обѣдня.

Темно. Зимняя ночь заворожила городъ безтрепетнымъ молчаніемъ. Нигдѣ ни огонька, ни звука шаговъ, ни скрипа санныхъ полозьевъ по снѣгу.

Ночные караульщики спятъ на лавкахъ у воротъ, закутанные въ свои огромные тулупы. Только на темномъ небѣ трепещутъ синеватыя звѣзды и холодно смотрятъ на спящій міръ, окутанный безпросвѣтною, молчаливою мглой.

За ночь тротуары замело снѣгомъ, и на этомъ снѣгѣ еще нѣтъ нигдѣ слѣда человѣческаго. Тихо. Городъ словно вымеръ. Отовсюду чутко смотрятъ тьма и молчанье.

И вдругъ воздухъ дрогнулъ отъ густого мѣднаго звука. Это былъ грустный, надрывающій сердце ударъ. Медленно колыхаясь, упалъ онъ въ мертвую тишину, и тишина поглотила его, и уныло растаялъ въ ней этотъ глубокій и печальный вздохъ соборнаго колокола.

И опять стало тихо. И чутко дышетъ молчаніе ночи, и тревожно смотритъ отовсюду тьма. Казалось, что внезапный зовъ колокола безслѣдно пропалъ въ пустынѣ молчанія, что онъ не разбудилъ сонной тьмы.

Но когда замеръ его одинокій голосъ, откуда-то издалека доплылъ отвѣтъ другого колокола. И, перепутываясь вдалекѣ, стали рождаться разноголосые мѣдные крики. Они говорили о чемъ-то другъ другу и, печально вздыхая, падали въ бездну тишины, и тишина поглощала ихъ.

Въ старинномъ соборѣ чуть-чуть свѣтился огонекъ. Черные, низкіе своды таинственно терялись въ темнотѣ. Огромныя тѣни, колыхаясь, блуждали по собору.

Свѣчи и лампады, какъ звѣздочки, теплились въ правомъ низкомъ придѣлѣ; въ лѣвомъ и переднемъ алтарѣ, подъ куполомъ, было совсѣмъ темно.

Позвякивая большими ключами, прошелъ церковный сторожъ, сѣдой, какъ лунь, съ окладистой бородой и кудрявыми волосами въ кружало. Его шаркающіе шаги и металлическое звяканье ключей отчетливо повторяются эхомъ въ темныхъ алтаряхъ, и кажется, что тамъ кто-то ходитъ другой, огромный, мягкій и кроткій. Ги-

гантская тѣнь старика ложится черезъ весь соборъ, перегибается на ступеняхъ амвона, ползетъ по бѣлымъ косякамъ узкихъ оконъ съ узорчатыми желѣзными рѣшетками.

Гулко хлопнула тяжелая дверь, и вмѣстѣ съ бѣлыми клубами холоднаго воздуха въ церковь вошелъ высокій дьяконъ въ енотовой шубѣ съ огромнымъ поднятымъ воротникомъ. Онъ отогнулъ воротникъ, разгладилъ окладистую бороду, тряхнулъ длинными волосами, уцѣлѣвшими только на затылкѣ, и осторожно крякнулъ, прочищая горло.

Звукъ его густого баса встревожилъ всю тишину собора, и она безпокойно всколыхнулась, подхватила металлическій голосъ дьякона и долго играла имъ подъ темными сводами.

Дьяконъ тяжелыми шагами прошелъ черезъ всю церковь въ алтарь. Его картинная фигура съ длинной бородой, ниспадавшей на грудь, и кудрями на затылкѣ вырѣзалась на свѣтломъ фонѣ золотыхъ иконъ рѣзко очерченнымъ силуэтомъ. За нимъ по каменнымъ плитамъ двигалась огромная, неопредѣленная тѣнь.

Тяжелая дверь опять отворилась, родила гулкіе звуки, опять кто-то вошелъ и кашлянулъ. Силуэты людей все чаще и

чаще обрисовывались въ полутьмѣ, и отъ каждаго человѣка падала длинная тѣнь. Шумно пробѣжали мальчуганы-пѣвчіе съ красными отъ мороза щеками, послышались теноровыя и басовыя покашливанія взрослыхъ пѣвчихъ.

Стали входить фигуры въ дубленыхъ полушубкахъ, въ промерзлыхъ лаптяхъ.

Всюду кроткими звѣздами вспыхивали огни свѣчъ. Наконецъ, изъ алтаря задребезжалъ старческій голосъ священника, и дьячекъ громко сталъ читать часы горловымъ козлинымъ голосомъ.

Это былъ мастеръ быстраго чтенія. Слова у него сыпались такъ стремительно, что въ нихъ нельзя было уловить никакого смысла. Громко барабаня языкомъ, онъ сладостно замиралъ, переводя дыханіе, и, быть можетъ, находилъ своеобразное удовольствіе въ своемъ искусствѣ.

...«На рукахъ возьмутъ тя, да не когда преткнеши... на аспида и василиска... и поперши льва и змія... Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго»...

Отдѣльныя фразы мелькали и тонули въ быстромъ потокѣ его чтенія; «Господи, помилуй» сыпалось частою дробью и сливалось къ какое-то безсмысленное «помилосъ».

А сквозь шумъ его чтенія, хлопанье двери и шаги входящихъ въ храмъ изъ алтаря струилось низкое рокотаніе густого дьяконова баса.

Изъ темноты лѣваго придѣла выходили пѣвчіе:- они давно уже дремали во мглѣ клироса въ ожиданіи начала обѣдни. Хоръ становился не на клиросѣ освѣщеннаго придѣла, гдѣ было тѣсно, низко и глухо, а подъ самой аркой. Высокіе силуэты басовъ загородили ее полукругомъ, а мальчики стояли посреди церкви подъ паникадиломъ высокаго купола, двумя кучками, одна противъ другой. Въ центрѣ хора виднѣлся неопредѣленный силуэтъ регента.

Изъ придѣла крякнулъ дьяконъ и возгласилъ густымъ речитативомъ:

— Бла-гос-ло-ви, вла-ды-ко-о-о!

Старческій голосъ священника чуть слышно доносился изъ алтаря, и регентъ скорѣе чутьемъ, чѣмъ ухомъ, угадалъ окончаніе возгласа. Онъ взмахнулъ руками и хоръ густымъ аккордомъ загудѣлъ обычное «аминь».

Пѣли довольно лѣниво. Нераспѣтые, отяжелѣвшіе отъ сна голоса немного понижали тонъ, у теноровъ иногда выскакивали «галушки», басамъ трудно было стихать. Только октавѣ было хорошо: послѣ сна

или, можетъ быть, перепоя она свободно пускала самые низкіе звуки, и они густой волной разстилались по каменному полу.

«Октава» исходила изъ огромнаго силуэта старика въ плохомъ сюртукѣ, съ длинными сѣдыми волосами и благообразной бородой.

Вскорѣ этотъ силуэтъ, длинный и наклоненный впередъ, огромными шагами передвинулся въ придѣлъ съ большой книгой въ рукахъ.

Хору не видно было богослуженія въ придѣлѣ, и регентъ, прислушиваясь, руководился только звуками.

А позади хора уже стояла темная толпа народа. Это были все овчинные тулупы, полушубки, поддевки, мужицкія бородатыя лица. Къ этой ранней службѣ ходитъ только молчаливый и бѣдный людъ со своей крѣпкой вѣрой въ Бога, съ темными зачатками мыслей, задолго до разсвѣта приходящій сюда получить своеобразное душевное удовлетвореніе.

—Бр-ра-тіе!..—доносился изъ придѣла тяжелый басъ огромнаго силуэта. Видно было, какъ высокій старичище стоялъ въ толпѣ, выше ея на голову, и ревѣлъ, растопыривъ передъ собой тяжелую книгу.

«Не пріоб-щай-те-ся къ дѣламъ неплод-

нымъ тьмы-ы»... Чтеніе апостола даетъ пѣвчимъ время для отдыха, выхода изъ церкви, чтобы покурить, и для разговоровъ. Они сгруппировались и, пользуясь ревомъ чтеца, свободно разговариваютъ.

Подошелъ къ нимъ и регентъ—плотная фигура съ брюшкомъ.

— «Воз-ста-ни, спяй, и воскрес-ни отъ ме-е-рт-выхъ!» — грохоталъ здоровенный басище.

— Куда бы мнѣ спровадить эту окаянную силу?—кивнулъ регентъ въ сторону оглушительнаго рева.

— А что, надоѣлъ?—прогудѣлъ кто-то басомъ.

— Мочи моей нѣтъ! Только портитъ. Помните, въ прошлый разъ второпяхъ схватилъ ноты вверхъ ногами и зазѣвалъ одинъ верхнее «ре», а написано-то, конечно, нижнее, піанисcимо...

—Куда его дѣнешь?—безнадежно сказалъ кто-то:—дѣваться ему некуда! Въ униженіи человѣкъ, ну и—ослабъ!..

— А кто виноватъ? Не пьянствуй.

«Сего ра-ди не бывайте нес-мы-ыс-лен-ни!»—сурово гремѣлъ надъ толпой старичище!—«Но разумѣвающе, что есть воля Б-бо-жі-я!»

— Вѣдь онъ до чего доходилъ? Въ рясѣ,

днемъ, фонарные столбы выворачивалъ при всемъ народѣ! «Не я», говоритъ, «Христа забылъ, а Христосъ меня»!..

— Да оно, духовенство-то, всегда много пьетъ, особливо дьякона. Рѣдкій не сопьется и въ концѣ-концовъ въ пѣвчіе не попадетъ, потому что жизнь такая: обѣды, крестины, молебны! Какъ тутъ не погибнуть слабодушному человѣку? А купечество? И опять же—скука!

— Отъ пьянства всѣ гибнутъ!—солидно сказалъ регентъ:—вотъ Урбановъ тоже! Двѣ недѣли глазъ не кажетъ, пьяная морда! Ну, не подлецъ-ли? Въ ногахъ валялся, клялся, что не будетъ пить; одѣли его купцы, а онъ опять!..

Регентъ съ грустью и злобой покачалъ головой и сказалъ съ неожиданной рѣшимостью:

— Въ шею!..

— Жалко!—возразили ему:—хорошій солистъ!

— Еще бы!— согласился регентъ:—талантъ, чудный теноръ, сколько души, сколько вкуса, чувства, н-но—пьяница! Ничего не подѣлаешь! Придется разстаться. Вѣдь другой бы съ его голосомъ и способностями карьеру себѣ сдѣлалъ, а этотъ лѣнтяй въ пьянствѣ изжилъ всю свою жизнь!

Я ему, подлецу, и дверей теперь не открою, коли опять придетъ каяться! Усталъ я отъ этой канители! И что это за удивительная вещь? Какъ хорошій пѣвчій, такъ изъ рукъ вонъ пьяница!

— Да онъ, пожалуй, какъ бы сейчасъ къ ранней не пришелъ? Вытрезвляется, говорятъ.

— Ну, если придетъ, споемъ «Покаяніе»: я его пр-ро-ма-нежу!

— Сорвется, пожалуй, онъ тамъ съ верхняго-то «ля»? Вѣдь послѣ запоя!..

— А мнѣ какое дѣло? Умѣешь пить, такъ умѣй и пѣть! А не то—съ Богомъ, въ босяки!

— Пропоетъ!—возразилъ кто-то:—послѣ запоя онъ удивительно хорошо поетъ! Я помню, онъ какъ-то разъ «Яко согрѣшихомъ» спѣлъ: диву всѣ дались! Поетъ, а у самого слезы по мордѣ такъ и теку-утъ!..

Бывшій дьяконъ добрался до самыхъ верхнихъ нотъ и неистово оралъ, выходя изъ себя:

«Не упива-айте-ся вино-о-мъ!

Въ немъ-же есть блу-у-удъ!».

Ему трудно было остановить массу своего голоса на неудобномъ звукѣ «д», и его басъ, упираясь въ низкіе своды, неуклюже рухнулъ, какъ глыба.

— Миръ ти!—укоризненно сказалъ ему священникъ. Старичище что-то недовольно проворчалъ ему въ отвѣтъ октавой и возвратился въ хоръ. Хоръ запѣлъ...

Для «Херувимской» одинъ изъ мальчиковъ роздалъ всѣмъ партіямъ ноты. Подъ темной аркой пѣвчіе зажгли свѣчи, чтобы свѣтить на бумагу. Нотные листки освѣщались трепетнымъ мерцаніемъ восковыхъ свѣчекъ. Блѣдный свѣтъ случайно попадалъ на сдвинутыя плечи, лица, бороды пѣвчихъ. За предѣлами этого слабаго свѣта все тонуло во мракѣ.

А тамъ, во мракѣ, шевелилась и вздыхала таинственная толпа въ полушубкахъ, лаптяхъ и валеныхъ сапогахъ. Неясная и неопредѣленная отъ темноты, она казалась громадной и стихійной, и загадочной со своею глубокою и темною жизнью духа, полною нетронутой вѣры...

Волнами, тихо, широко и стройно разливалась херувимская пѣснь.

Хора почти не видно было въ темнотѣ, и казалось, что благоговѣйно-тихое пѣніе доносится изъ купола, откуда спускается къ людямъ рой свѣтлыхъ ангеловъ. Они вѣютъ своими серебряными крыльями и несутъ въ этотъ бѣдный міръ, молящійся во

мракѣ, что-то прекрасное, чистое и свѣтлое...

Народъ тихо шевелился и осторожно вздыхалъ, и казалось, что вотъ сейчасъ таинственная мгла, одѣвающая эту мрачную церковь, разорвется, какъ завѣса, и всѣ увидятъ иной міръ, свѣтлый, радостный, полный разноцвѣтныхъ лучей, залитый волнами серебристаго свѣта, прекрасный, какъ это стройное пѣніе...

Но въ церкви все такъ же мрачно и темно, и волны ангельскаго пѣнія, приближаясь, опять уходятъ въ куполъ и медленно замираютъ, словно доносятся издали; и вотъ уже ушли, и все стихло, словно въ воздухѣ невидимо проплыла небесная процессія, странное и нѣжное видѣніе, которому нѣтъ мѣста во мракѣ печальной и несчастной земли.

Грубо звучитъ металлическій голосъ дьякона. Грустно дребезжитъ старческій голосъ священника. И вдругъ неожиданно и мощно грянули басы:

«Я-ко да ца-ря»!..

И вслѣдъ за ними, порхая и крутясь, понеслись дѣтскіе и теноровые голоса. Они радостно мчались въ куполъ, перепутываясь и догоняя другъ друга, какъ въ майскій день золотые мотыльки на солнцѣ.

А басы порывисто и быстро, все выше и выше, все мощнѣе и грознѣе повторяли:

«Подымемъ! Подымемъ! Подымемъ!»

Мракъ становился блѣднѣе. Въ узкія окна купола пробивался разсвѣтъ; и яснѣе можно было различать внутренность храма, толпу народа и фигуры пѣвчихъ. И по мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе,—все кругомъ утрачивало свой мрачный и таинственный колоритъ.

Обѣдня близилась къ концу. Хоръ тихо и молитвенно пѣлъ «Отче нашъ». Въ черной толпѣ мелькали бѣлыя руки: всѣ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ это время въ полукругѣ хора появилась робкая фигура человѣка, одѣтаго очень плохо; это былъ тщедушный, до времени изжитой человѣкъ, съ козлиной бороденкой и рѣдкими, спутанными кудрями до плечъ... Видно было, что лицо его было когда-то красивымъ, и кудри—густыми и холеными... На немъ была изодранная кацавейка, подпоясанная краснымъ платкомъ, заплатанныя брюки и промерзлые ботинки безъ галошъ. Онъ стыдливо и застѣнчиво горбился и пряталъ въ рукава красныя отъ холода руки.

Въ хорѣ произошло движеніе, и пронесся шопотъ: «Урбановъ»...

Регентъ презрительно покосился на него, а онъ стоялъ въ полукругѣ, на виду у всѣхъ, презираемый всѣми, и, быть можетъ, самъ презирая себя, съ прижатыми къ груди руками, въ жалкой позѣ ничтожества...

Изъ хора выступили въ полукругъ солисты: высокій басъ съ бѣлокурой бородой и низенькій хохлатый теноръ съ рябымъ лицомъ.

Регентъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе рукой: Урбановъ подвинулся впередъ. И они всѣ трое стояли въ полукругѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга: Урбановъ въ серединѣ, подъ аркой, лицомъ къ алтарю и регенту, который стоялъ передъ нимъ съ поднятой рукой.

— Покаяніе!—чуть слышно сказалъ онъ и задалъ тонъ.

Пѣвцы замерли на своихъ мѣстахъ. Регентъ плавно шевельнулъ рукой, и они запѣли.

Басъ гудѣлъ стройно, какъ органъ, рябой вторилъ теперомъ, а высокимъ «первымъ» теноромъ запѣлъ оборванецъ.

У него былъ нѣжный и мягкій, свободный голосъ. Странно было слышать благородные и трогательные звуки изъ впалой груди измытареннаго пропойцы. Эти груд-

ные звуки струились свѣтлымъ и чистымъ потокомъ, и незамѣтно переходили въ нѣжную фистулу, тихо-тихо замиралъ, и когда казалось, что они уже замерли, они начинали опять расти, расширяться, опять обращались въ грудные, цѣльные и полные звуки и опять замирали. Незамѣтно было, когда онъ переводитъ дыханіе, и голосъ его казался безконечнымъ и безграничнымъ, какимъ-то моремъ звуковъ.

Они пѣли тріо «Покаянія отверзи ми двери».

Урбановъ, жалкій, всклокоченный, съ умоляющимъ видомъ стоялъ передъ суровымъ регентомъ и пѣлъ о «покаяніи». А регентъ пронизывалъ его испытующимъ окомъ и неумолимо помахивалъ рукой. Въ хорѣ промелькнули улыбки.

«От-ве-е-рзи!..»

повторилъ опять Урбановъ, но уже съ большей страстностью, въ очень высокую, звонкую ноту, подъ густой аккомпаниментъ баса и рябого тенора и уже вспыхнуло въ этомъ звукѣ что-то проникновенное, что сразу передалось всѣмъ и прекратило улыбки.

А молчаливая толпа народа какъ бы замерла, перестала шевелиться, кашлять и вздыхать, и неизвѣстно было, слушаетъ

ли она пѣвцовъ, или совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ.

Урбановъ пѣлъ и медленно выпрямлялся, устремивъ глаза свои въ куполъ. Онъ сразу какъ бы отодвинулъ на второй планъ остальныхъ пѣвцовъ и къ одному себѣ привлекъ всеобщее вниманіе.

«Храмъ носяй тѣ-лес-ный!»
нѣжно трепеталъ его голосъ.

«Храмъ!» струннымъ аккордомъ торжественно гудѣлъ басъ.

«Весь... весь... весь оскверненъ!»
рыдалъ голосъ Урбанова, а самъ онъ все крѣпче прижималъ къ своей впалой груди красныя, иззябшія руки.

«Оскверненъ!»
глубоко и печально вздыхалъ басъ. И въ толпѣ народа также послышались вздохи. Ихъ такъ было много, что они сливались въ какой-то невнятный шелестъ или дальній шумъ рѣки... Казалось, что вѣтеръ пробѣгалъ по вершинамъ темнаго лѣса, и лѣсъ невнятно шумѣлъ, или гдѣ-то далеко волна тихо приходила къ берегу и умирала на немъ.

«И въ лѣности... и въ лѣности...»
словно огненнымъ бичемъ ударялъ Урбановъ и вдругъ высоко зазвенѣлъ съ такою силой, огнемъ, слезами и могучимъ чув-

ствомъ отчаянія, что весь соборъ, казалось, притаилъ дыханіе и слушалъ, и строгіе лики святыхъ посмотрѣли на пѣвца менѣе строго:

«Все житіе мо-е... иждихъ...»

Это былъ ужасъ горькаго сознанія, что жизнь изжита безвозвратно и непоправимо, что талантъ погубленъ во тьмѣ и грязи, и что уже не подняться ему оттуда...

Отъ этого звука, который вырвался изъ самой глубины души пѣвца, у всѣхъ отозвался въ груди какой-то отвѣтный аккордъ. Рыдающее чувство отчаянія дошло до каждаго человѣка и коснулось нѣжныхъ, тайныхъ струнъ его сердца... Словно искрами осыпалъ онъ толпу и долго и нѣжно затихалъ, словно проливая тихія, неутѣшныя слезы.

И вдругъ басъ неожиданно грянулъ, какъ громъ:

«О-ка-я-нный!»

Въ толпѣ прошла волна вздоховъ.

«Тр-ре-пе-щу!..»

могучимъ ударомъ разразился полный и свѣтлый голосъ, словно это было проклятіе неба...

И тогда весь хоръ, какъ бы придавленный этимъ ударомъ, прошепталъ тихо и страшно, словно низвергнутый въ пре-

исподнюю, съ октавой, едва доходящей изъ бездны, и казалось, что сюда уже доносятся чуть слышные голоса ада:

«Страшнаго... суднаго... дне...»

Въ этотъ моментъ передняя половина толпы, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни, сама не замѣчая этого, и въ шелестѣ вздоховъ тонкими струйками мелькали всхлипыванія.

А Урбановъ, преобразившійся, съ глазами, устремленными въ самый верхъ купола, все еще стоялъ съ прижатыми къ груди руками, и голосъ его все еще замиралъ нѣжнымъ плачущимъ звукомъ.

Послѣ мрачнаго паденія въ грязь порока, со дна трущобы, онъ явился въ храмъ и теперь вновь ощущалъ въ своей груди жгучее чувство вдохновенія, душа его вновь возстала изъ темной бездны и на моментъ освѣтилась чуднымъ свѣтомъ красоты и таланта.

Между пѣвцомъ и толпой вдругъ почувствовалась какая-то связь, словно въ воздухѣ внезапно протянулись тонкія серебристыя нити.

Первые лучи восходящаго солнца ударили въ разноцвѣтныя стекла узкихъ оконъ... Словно золотыя струны, задрожали они въ голубомъ воздухѣ собора и одѣли

въ золото и пурпуръ жалкія лохмотья пѣвца и ярко освѣтили его блѣдное лицо, орошенное слезами. Солнце какъ будто охорашивало его, оставляя въ тѣни картинный полукругъ хора и безмолвную, колѣнопреклоненную толпу народа. Казалось, что она, эта толпа, все еще слушаетъ звуки, которые давно уже умерли подъ черными сводами стараго собора.

За тюремной стѣной.

Ослѣпительно-свѣтлый майскій день. Теплый, свѣжій воздухъ отрадно вливается въ грудь. Голубое небо какъ-то особенно прозрачно, и по нему медленно плывутъ чистенькія облака, похожія на груды свѣжаго снѣга. Птичье царство ликуетъ подъ хрустальнымъ куполомъ неба: радостно вьются ласточки, пролетаютъ стаями голуби и галки, высоко-высоко, чуть-чуть пошевеливая длинными крыльями, плыветъ коршунъ, и его клекотъ, какъ звукъ струны, раздается въ звонкой пустотѣ неба...

Вотъ все изъ внѣшняго міра, что можно видѣть и слышать, находясь за тюремной стѣной. Высокая и бѣлая, она образуетъ продолговатый четырехугольникъ, въ срединѣ котораго стоитъ двухэтажный бѣлый домъ съ домовой церковью и четырьмя круглыми башнями по угламъ. Эти башни съ зубчатыми краями и круглыми отверстіями для пушекъ придаютъ ему видъ

старинного замка. Онъ въ самомъ дѣлѣ выстроенъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, и подвальный этажъ его, съ таинственными темными казематами, почти весь ушелъ въ землю.

Преддверіемъ къ нему служитъ неуклюжее высокое зданіе, гдѣ помѣщается канцелярія и квартиры тюремнаго начальства. Подъ этимъ зданіемъ устроенъ полукруглый туннель и двое полукруглыхъ желѣзныхъ воротъ, выкрашенныхъ коричневой краской. По бокамъ воротъ, заграждающихъ туннель со двора, — двѣ неглубокія ниши, и въ каждой изъ нихъ — окно. Одно изъ нихъ съ желѣзной рѣшеткой, а въ другомъ видны занавѣски и желтая клѣтка съ канарейкой. Фундаментъ здѣсь тоже значительно ушелъ въ землю, а отъ одного угла отвалился бѣлый камень величиной съ полъ-аршина, кубической формы, на которомъ и сидитъ всегда надзиратель Быковъ.

Быковъ похожъ на чугунную тумбу или «бабу», которою утрамбовываютъ мостовыя. Онъ небольшого роста, руки и ноги у него короткія и толстыя, туловище плотное и увѣсистое, словно вылитое изъ чугуна, лицо безусое, добродушное и глубокомысленное.

Сидя на камнѣ, онъ цѣлый день развлекается тѣмъ, что кормитъ бѣлымъ хлѣбомъ голубей. Ружье со штыкомъ и ключами на штыкѣ стоитъ у него между ногъ, прислоненное къ плечу, огромная стая голубей окружаетъ Быкова, пожираетъ крошки хлѣба и воркуетъ. Быковъ любитъ этихъ мѣщанъ птичьяго царства: его круглое и простое лицо, лицо деревенскаго парня, осклабляется при видѣ голубинаго счастья. Быть сытымъ и ворковать — это его собственный идеалъ. Въ его довольномъ лицѣ съ большимъ и крѣпкимъ лбомъ и во всей его неповоротливой фигурѣ есть что-то неприхотливо-положительное и неподвижно-устойчивое. Быковъ ни въ чемъ не сомнѣвается, ничему не удивляется и все въ мірѣ считаетъ цѣлесообразнымъ. Это твердое и ясное міросозерцаніе находитъ въ немъ крѣпкую опору, и Быковъ непоколебимъ, какъ чугунная, неподвижная свая.

А по двору ходятъ арестанты... Они одѣты въ бѣлыя холщевыя рубахи, такіе же шаровары и «коты». Тесемка, которою завязывается воротъ, у многихъ оборвана, и рубаха не закрываетъ загорѣлую коричневую грудь. Большею частью, это все живой и веселый народъ. Исключеніе составляютъ только каторжане съ кандалами на

ногахъ: они не разговорчивы, задумчивы, угрюмы и важны.

Особенной походкой, широко разставляя ноги, неизмѣнно и вѣчно бродятъ они по широкому двору отъ стѣны до стѣны, и своеобразный звонъ желѣзныхъ цѣпей, похожій на пѣніе птицъ, съ утра до ночи не смолкаетъ на дворѣ и въ острогѣ.

Съ головой, наполовину обритой въ профиль, мрачные и важные, въ своихъ звонкихъ цѣпяхъ, они картинно-трагичны...

Зато остальные арестанты, свободные отъ цѣпей, и малолѣтніе преступники смотрятъ жизнерадостно: одни устраиваютъ борьбу, другіе просто лежатъ на травѣ, которою заросли углы двора, и нѣжатся на солнышкѣ. Кое-гдѣ собрались въ кучки, играютъ въ карты и орлянку.

Біографіи этихъ людей почти одинаковы: жизнь ихъ съ дѣтства проходитъ въ тюрьмѣ; за стѣнами ея все имъ чуждо и враждебно, едва выйдутъ они на свободу, какъ уже опять попадаютъ въ острогъ, въ свой міръ, гдѣ они выросли и сжились. Они не приспособлены къ иной жизни, кромѣ тюремной.

Надзиратель кормитъ голубей по одну сторону воротъ, а по другую, около ниши, собрался кружокъ игроковъ: это все мо-

лодыя, здоровыя лица, виднѣется двѣ—три наполовину обритыхъ головы, позвякивають цѣпи. Всѣ серьезны и сидятъ на землѣ, поджавъ подъ себя ноги...

Быкову наскучили голуби. Онъ встаетъ съ камня: стая птицъ взвивается кверху и, звеня крыльями, улетаетъ...

Онъ подходитъ къ арестантамъ и, оперпись на ружье, слѣдитъ за игрой.

Ставкой, вмѣстѣ съ мѣдными грошами, служитъ еще—книга, разодранная на четыре части.

Картежники играютъ молча, изрѣдка обмѣниваясь короткими фразами.

— «Іоанна» взяли!

— Ставлю «отъ Матвѣя»!

— Четверку, значитъ?

— Четверку.

— Ходить! А я ужо половинкой-то подъ тебя!..

— Батюшки!—вскрикиваетъ Быковъ:— никакъ это евангеліе? Кто это поставилъ?

— Эйко!..—разсѣянно отвѣчаютъ ему.

Эйко, арестантъ важнаго вида, съ рыжими бакенбардами и дерзкими глазами, полулежа, бьетъ карту.

— А тебѣ что? — огрызается онъ на Быкова.

— Да, какъ же, — возмущается Быковъ: — евангелie — и на конъ! Что ты, не русскiй, что ли? То-то у тебя фамилiе-то чудное: Эйка!

— Я англичанинъ!—серьезно говоритъ Эйко, поглаживая бакенбарды: лицо у него овальное, исполненное достоинства, усовъ нѣтъ, бакенбарды котлетами—онъ дѣйствительно похожъ на англичанина.

Быковъ добродушно, хотя и укоризненно, качаетъ головой.

— Только-что вчера вамъ въ церкви крещеный жидъ евангелie раздавалъ для вразумленiя, а вы—въ карты...

— Молчи ты, тумба! — презрительно отвѣчаютъ ему:—что смыслишь, штыкъ?

Быковъ, ухмыляясь, беретъ евангелie на русскомъ языкѣ, развертываетъ его своими короткими и толстыми пальцами и медленно читаетъ вслухъ:

— «Богъ есть любовь»...

И задумывается.

— То-то и есть!—снисходительно говоритъ ему Эйко,—вѣдь не понимаешь, что оно и къ чему сказано?

— «Кто имѣетъ двѣ одежды»,—продолжаетъ надзиратель,—«отдай одну неимущему и, если кто ударитъ тебя въ лѣвую щеку, подставь ему и другую!»

Тутъ Быковъ торжествующе смотритъ на Эйко.

— Вотъ, какъ надо-то,—говоритъ онъ, ткнувъ корявымъ пальцемъ въ книгу.

— Дуракъ ты!—спокойно отвѣчалъ ему Эйко:—надо, да не намъ! Книга эта священная, ну, только что намъ она не подходитъ: кому можетъ арестантъ оставить одежду, какому неимущему, когда она у него казенная, а неимущій-то—онъ самъ? И насчетъ щеки—тоже меня, можетъ, всю мою жизнь только и дѣлали, что въ морду били? Хоть подставляй, хоть нѣтъ — все равно лупятъ!

Сочувственный смѣхъ арестантовъ покрылъ послѣднюю фразу Эйко. Засмѣялся и Быковъ.

— Было за что, вотъ и били!—возразилъ онъ:—зря не станутъ бить... Всякій, значитъ, будь на своей точкѣ и дѣлай свое дѣло въ исправности.

—Противно тебя слушать. Ты доволенъ тѣмъ, что ты—надзиратель?

— Доволенъ.

— И дѣти твои и внуки тоже будутъ надзирателями, либо лакеями. Ты представь себѣ: ѣдутъ на пароходѣ мои дѣти во-второмъ классѣ и обѣдаютъ, — а твои

имъ купанье подаютъ—и такъ до скончанія вѣка! Справедливо это?

— Справедливо! — отвѣчаетъ Быковъ, наклонивъ голову и опираясь на ружье. Онъ крѣпко стоитъ на своихъ короткихъ ногахъ и въ эту минуту похожъ на подводную скалу, о которую разбиваются мечтанія. Эйко смотритъ на него съ ненавистью.

— Тумба!—ворчитъ онъ, злобно убивая карту.

— Бойкій ты!—съ неизмѣннымъ добродушіемъ замѣчаетъ Быковъ:—башка у тебя мозговита, а все толку нѣтъ! И столяръ ты, и рѣзчикъ, и переплетчикъ, а работать не хочешь, балуешься...

Глаза Эйко, острые, какъ гвозди, сверкнули, овальное «англійское» лицо на минуту приняло злое и гордое выраженіе.

— Голодный прохожу, а работать не стану!—упрямо произнесъ онъ, смотря куда-то въ пространство, словно говорилъ не Быкову, а кому-то невидимкѣ. Задѣтый за больную струну сердца, онъ какъ будто хотѣлъ досадить «кому-то» тѣмъ, что вотъ онъ, Эйко, прекрасный столяръ, рѣзчикъ и переплетчикъ, «не хочетъ» работать.

А кругомъ по прежнему важно и мрачно бродили скованные каторжане, и по всему двору, неумолкая, пѣли цѣпи...

Черезъ весь дворъ бѣжалъ низенькій мужиченко-арестантъ, громыхая кожаными сапогами. Онъ подбѣжалъ къ Быкову.

— Огурцовъ не надо-ли. Жена пришла!—вскричалъ онъ, улыбаясь заискивающей улыбкой. Арестанты засмѣялись.

— Хорошо ли торгуешь, Клемашевъ?

Клемашевъ засмѣялся дѣтскимъ смѣхомъ.

— Какая моя торговля? Жена орудуетъ. А мнѣ еще двадцать мѣсяцевъ сидѣть! Изъ-за восьми рублей! Страсть, какъ досадно! Думалъ воровствомъ хозяйство поправить, а оно только хуже вышло. Баста теперича! Не буду воровать!

— Хо-хо-хо! Невыгодно?—заржали арестанты.

Клемашевъ поглядывалъ на всѣхъ добрыми дѣтскими глазами и тоже смѣялся, а Быковъ наставительно сказалъ ему:

— Конечно! Скажи самъ себѣ: не буду! И не будешь. Все равно, какъ вино пить которые бросаютъ.

— Да вѣдь, милый ты человѣкъ!—любовно заглядывая ему въ глаза, возразилъ Клемашевъ:—вѣдь, все думаешь, хозяйству какъ ни на есть подсобить, а оно только хуже! Я еще въ прошломъ году чуть было не попалъ въ острогъ—изъ-за мѣшковъ.

Работали мы у купца Башкина; муку возили. Ну, а когда со двора уходили, и замотали мы двое за опучи по два мѣшка, все годится для хозяйства! А приказчикъ и догадался! Такъ что было! Либо, говоритъ, пашпорта назадъ берите, либо сейчасъ въ острогъ! Взяли пашпорта!

— А не воруй!—сказалъ Быковъ.

Огромный великанъ-арестантъ съ широкой бородой улыбнулся добродушнѣйшей улыбкой и пѣвуче произнесъ:

— Не обкрадывай купцовъ: мать-тюрьма есть для нашего брата! Ты гдѣ служилъ въ солдатахъ-то?—спросилъ онъ Быкова.

— Въ Ромнахъ я служилъ.

— А еще гдѣ былъ? Въ Одессѣ былъ?

— Нѣтъ.

— Эхъ, что за городъ!.. Пристань кака! Набережная! Море шумитъ! Жизнь!

Широкая русская улыбка озарила огромное лицо великана.

— А въ Москвѣ ты былъ? Нѣтъ? Эхъ, въ Сокольникахъ тамъ хорошо! Въ Петербургѣ тоже не былъ? А въ Тифлисѣ? не былъ? Ну, въ Астрахани, по крайности? Нѣтъ? Да, гдѣ же ты былъ?

— Нигдѣ я не былъ! — отвѣчалъ Быковъ:—а тебя, видно, вездѣ носило?

— Я-то весь свѣтъ прошелъ! Я и по

Байкалу плавалъ, и въ Татарскомъ проливѣ былъ! Во всѣхъ тюрьмахъ сидѣлъ, всѣ искусства и науки произошелъ...

Онъ улыбнулся опять очаровательно-добродушной, свѣтлой, какъ солнце, плутоватой улыбкой и добавилъ на-распѣвъ:

— Тюрьма-матушка всему научитъ! А вотъ ты,—неожиданно набросился онъ на Быкова:—ничего не можешь понимать, что есть такое—жизнь! Съ тобой говорить,—что горохомъ объ стѣну бить!..

— Брось!—загудѣли арестанты: — съ кѣмъ ты связался? Лучше ужъ пусть сочинитель стишокъ читаетъ, чѣмъ это... А? Эй! сочинитель кислыхъ щей! Вальни-ка!

Такія насмѣшливыя слова относились къ молодому угрюмому арестанту: это былъ парень сутуловатый, неуклюжій, медвѣжьяго тѣлосложенія, съ широкимъ лбомъ и голубыми глазами, смотрѣвшими мрачно и застѣнчиво.

Сочинитель ухмыльнулся и прогудѣлъ глухимъ и густымъ, медвѣжьимъ голосомъ.

— Смѣетесь надо мной, а сами просите!..

— Ну, ну, не ломайся! Отхватывай!..

«Сочинитель» сидѣлъ, подобравъ подъ себя ноги, сгорбился и, не поднимая глазъ, началъ декламировать своимъ угрюмымъ и грубымъ голосомъ:

Очи черныя, очи жгучія,
Вы плѣнили мою молодость,
Вы зажгли во мнѣ лучъ-огонь.
Не могу теперь слово вымолвить:
Мнѣ не спятся ночи темныя,
Крушитъ молодца любовь къ дѣвицѣ,
А еще крушитъ участь горькая,
Доля бѣдная, безотрадная,
Узы тяжкія, тюрьма лютая...

Неказистъ былъ поэтъ: лицо скуластое, рубаха на груди разстегнулась и обнаружила широкую звѣриную грудь, заросшую лохматой шерстью.

Трудно было допустить, чтобы «красна-дѣвица» могла плѣниться такой фигурой, но онъ продолжалъ съ какой-то грубой и настойчивой силой:

Н-но—л-люблю я тебя, раскрасавица,
Пуще жизни, пуще солнышка,
Пуще свѣта всего бѣлаго!..
Ужъ вы узы мои, узы мрачныя,
Узы мрачныя тюремныя!
Вы сосете кровь изъ моей груди,
Душу мучите, сердце гложете...
Ой, судьба ли моя, судьбинушка,
Горемычная, злокoварная!
Не съ тобой ли мнѣ во тюрьмѣ сидѣть,
Въ кандалахъ терпѣть гореваньице,
Отъ начальниковъ измываньице?
Какъ одинъ изъ нихъ — кровожадный звѣрь...

— Вѣрно!—вырвалось у арестантовъ, а поэтъ гудѣлъ, не останавливаясь:

Онъ питаетъ злобу къ каждому,
Не имѣетъ онъ человѣчества...

— Сволочь!—пояснили слушатели.

Онъ лютѣе звѣря лютаго,
Тигра хитраго, кровожаднаго...

— Ишь, какъ хлещетъ!—восхитился и Быковъ:—не за это ли онъ тебя въ карцеръ сажалъ?

— Что ему карцеръ?—возразили арестанты:—у него ружейный зарядъ въ боку сидитъ! Что ему карцеръ?..

— Ку-ка-и-ку-у,—раздалось вдругъ по всему двору громогласное пѣніе пѣтуха.

Это кричалъ арестантъ съ веселымъ и лукавымъ лицомъ: онъ стоялъ посрединѣ двора, разстегнутый, съ шапкой на затылкѣ и пѣлъ пѣтухомъ такъ натурально, что гдѣ-то далеко за тюрьмой откликнулись настоящіе пѣтухи. Въ рукахъ у него были три деревянныхъ ложки, и онъ артистически заигралъ на нихъ, припѣвая сиповатымъ, но игривымъ и складнымъ голосомъ на мотивъ цыганскихъ пѣсенъ:

По горамъ—доламъ катался,
Тарантасъ мой изломался!
Тарантасъ мой, тарантасъ,
Прокати въ послѣдній разъ!..

Ложки отчетливо и плавно прищелкивали не хуже кастаньетъ, словно выговаривали каждое слово. Въ ту же минуту откуда-то взялись два цыгана, смуглые, ловкіе, съ курчавыми, словно осмоленными бородами, похожіе другъ на друга, какъ два родные брата. Они пустились въ дикій цыганскій танецъ, извиваясь вокругъ музыканта, какъ обезьяны, а онъ медленно шелъ черезъ дворъ, туда, гдѣ происходила декламація, и пѣлъ, аккомпанируя на ложкахъ:

Ай, батюшки, караулъ:
Цыганъ въ морѣ утонулъ!
Не въ рѣкѣ, не въ озерѣ,
На дворѣ въ колодезѣ!..

— Гей! гей!—выкрикивали и скакали цыгане, ударяя въ ладони и притопывая арестанскими «котами».

Ой, валенки—валенки,
Не подшиты, старенъки...

припѣвалъ артистъ, приближаясь къ группѣ.

— Споемъ?—крикнулъ онъ.

Арестанты встрѣтили его одобрительнымъ смѣхомъ. Только окованные каторжане съ прежней тоскливой серьезностью бродили вдоль длиннаго двора, и желѣзныя звенья цѣпей, не умолкая, пѣли свою грустную пѣсню.

Около пиши, у высокой, бѣлой стѣны собрался арестантскій хоръ: кто сидѣлъ на каменной ступени, кто прямо на асфальтѣ, вытянувъ скованныя ноги или положивъ себѣ на колѣни обезображенную, бритую голову; большинство стояли полукругомъ, нѣкоторые полулежали... Живописенъ и страненъ былъ этотъ окованный хоръ, въ рубашкахъ изъ грубаго холста, съ голыми шеями, открытой грудью и характерными лицами коричневаго цвѣта отъ загара. Это всѣ были рѣзкія, энергичныя черты. Не было замѣтно лицъ глуповатыхъ или забитыхъ... Нѣкоторыя молодыя и почти интеллигентныя лица сразу бросались въ глаза и навсегда запечатлѣвались въ памяти своей особенной красотой. Нѣкоторыя были мрачны и грозны, и всѣмъ лицамъ было свойственно одно неуловимое выраженіе, которое бываетъ только у арестантовъ: его трудно опредѣлить какимъ-либо словомъ, оно — печать долголѣтняго озлобленія непокорной натуры, въ немъ есть что-то протестующее противъ всего на свѣтѣ.

Арестантъ съ ложками оказался «регентомъ». Онъ всталъ лицомъ къ хору, величественно поднялъ руку съ ложкой и обвелъ весь хоръ строгимъ взглядомъ. Шапка у него совсѣмъ съѣхала на заты-

локъ, обнаруживая черную густую щетину стриженой головы и большой мефистофелевскій лобъ съ заливами.

Въ его серьезномъ теперь лицѣ чуть-чуть сквозилъ ядовитый юморъ.

Хоръ густо и широко загудѣлъ. Регентъ помахивалъ ложкой со всѣми пріемами «маэстро». Казалось, что самъ Мефистофель дирижируетъ хоромъ убійцъ, воровъ и бродягъ. Солнце заливало всю эту группу ослѣпительно яркимъ свѣтомъ. Они пѣли:

По дикимъ степямъ Забайкала,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга судьбу проклинаетъ,
Тащится съ сумой на плечахъ.
Котелъ его съ боку тревожитъ,
Сухарики съ ложкой гремятъ.
Идетъ онъ густою тайгою,
Гдѣ звѣри его сторожатъ.
Худая на немъ рубашенка,
Премножество разныхъ заплатъ,
Худая на немъ и шапченка,
И сѣрый тюремный халатъ.
Лишь только къ Байкалу подходитъ,
Рабочую лодку беретъ.
Унылую пѣсню заводитъ,
Про родину что-то поетъ...

Пѣсня густо катилась. Отъ нея вѣяло романтической жизнью, полной приключеній, она говорила о вѣчномъ скитальчествѣ

и бродяжествѣ и какъ бы поднимала завѣсу надъ темною жизнью этихъ людей, и за этой завѣсой чудились грустные и мрачные разсказы и печальныя драмы съ неизмѣнной кровавой развязкой. Жизнь бьетъ такихъ пѣвцовъ, поэтовъ и мыслителей, и ея удары извлекаютъ изъ нихъ глубокіе звуки, мрачные стихи и своеобразныя пѣсни.

Регентъ сдѣлалъ предлагающій жестъ, и нѣжный тенорокъ-запѣвало затянулъ плавный, игривый напѣвъ:

— Па-а Си-б-бири я гул-ляю,
Паселенецъ ма-ла-дой...

А хоръ густыми аккордами, словно рояль, аккомпанируетъ ему:

Тум-ба̀—тум-ба̀—тум-ба̀!
Тум-ба̀—тум-ба̀—тум-б-ба-а̀!..
— Полюби меня, челдонка:
Я брожу здѣсь сирото-ой,

заливается солистъ. Это — арестантъ, по прозванію Соловей, — пѣвунъ и плясунъ: онъ маленькій, съ черненькими усиками, ловкій и сильный. Теперь онъ сидитъ подъ самой нишей, въ центрѣ хора, а кругомъ непринужденно расположился хоръ: тенора всѣ стоятъ полукругомъ и имѣютъ видъ воровской и плутоватый, а басы, большею частью, сидятъ и всѣ — въ кандалахъ.

Мы пойдемъ съ тобой въ Россію,
По дорожкѣ столбовой:
Снаряжу тебя въ доспѣхи—
Въ баняхъ будешь спать со мной...

— Тум-ба — тум-ба — тум-ба-а! — густо аккомпанируетъ хоръ, мефистофелевская рожа сіяетъ, а Соловей забористо выводитъ:

Посохъ вырѣху потолще,
На защиту отъ собакъ,
Твои кольца и сережки
Отнесемъ съ тобой въ кабакъ!..

— Тум-ба — тум-ба — тум-ба! — грохочутъ басы. А Быковъ неподвижно застылъ на своемъ камнѣ, какъ воспѣваемая тумба, и съ добродушной улыбкой смотритъ на веселье арестантовъ.

Хоръ все увеличивается. Пѣсни быстро смѣняются. Доходитъ дѣло до пляски. Хоръ стоитъ кольцомъ и весело поетъ плясовой мотивъ:

Ой, дубъ—ду-ба, ду-ба, ду-ба...

Слышатся веселыя восклицанія.

— Соловей! Спляши, что ли, для окончанія дѣла!

— Али онъ былъ на судѣ?

— Какъ же! Нынче водили!

— Осудили?

— На три года!

— Ва-а-ляй, Соловей!..

Соловья выпихнули на середину круга.

Онъ выждалъ тактъ и «пустилъ дробь». По первымъ же его пріемамъ видно было, что пляшетъ не простой плясунъ, а артистъ этого дѣла: такъ пляшутъ въ циркѣ... Его «коты» такъ и заговорили...

А хоръ стоялъ во всей своей живописной непринужденности, разстегнутый, загорѣлый, съ бритыми черепами и гудѣлъ:

Ой, дубъ-ду-ба, ду-ба-ду-ба!.

— Жарь, Соловей!

— Все равно тебѣ теперича!..

Соловей восхитительно плясалъ въ присядку: маленькій, но мускулистый и крѣпкій, онъ упруго и ловко подпрыгивалъ, какъ мячъ, и перебрасывалъ изъ одной руки въ другую свою маленькую сѣрую шапку...

Всѣ лица расплылись въ улыбку.

Но лицо самого Соловья было необыкновенно серьезно: смуглое, красивое, съ черными усами и блестящими глазами, оно сохраняло пренебрежительное выраженіе, словно хотѣлъ сказать:

— Плевать мнѣ на то, что меня осудили!..

Въ маленькую калитку полукруглыхъ во-

ротъ входили и выходили разные люди. Прошелъ взводъ солдатъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ револьверами у пояса и саблями, и скрылся на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ была пересыльная тюрьма. Оттуда провели разнообразно-одѣтую, рваную толпу пересыльныхъ... Какихъ только тамъ не было фигуръ: кто въ кацавейкѣ, кто въ рваномъ пиджакѣ, кто въ длинной арестантской шинели. Старики, женщины, подростки и дѣти и въ этомъ сбродѣ вдругъ — гордая фигура благороднаго босяка... У многихъ за плечами котомки, сапоги, а у пояса жестяной чайникъ. Нѣкоторые прощаются съ друзьями изъ арестантовъ. Пожимаютъ руки. Слышны пожеланія. Потомъ вся эта странная толпа исчезаетъ за воротами въ сопровожденіи конвойныхъ, внушая недоумѣніе и интересъ къ себѣ... Странный, бродячій міръ, тѣни, откуда-то и куда-то безъ конца идущія, кто они? Своимъ молчаливымъ, символическимъ шествіемъ черезъ тюремный дворъ они напоминаютъ о существованіи какой-то особенной таинственной жизни.

Калитка вновь отворилась и въ нее съ трудомъ пролѣзла необыкновенная фигура.

Это былъ чернобородый мужикъ геркулесовскаго тѣлосложенія, въ красной кумачевой рубахѣ, высокихъ сапогахъ и косма-

той черкесской шапкѣ. Онъ былъ поразительно широкъ, грудастъ и мощенъ, на выпуклую грудь падала окладистая черная борода, и вся невысокая, но удивительно крѣпко сложенная фигура его казалась сбитой молоткомъ на наковальнѣ. Онъ обвелъ тюремный дворъ мрачнымъ взглядомъ и крикнулъ сильнымъ голосомъ:

— Здравствуй, матушка-тюрьма!

За нимъ вошло двое часовыхъ съ ружьями и тщедушный тюремный чиновникъ въ полицейскомъ мундирѣ. Арестанты поднялись и сняли передъ чиновникомъ шапки, за исключеніемъ Эйко. Чиновникъ съ гримасой махнулъ имъ рукой, и они разбѣжались по двору. Потомъ онъ отдалъ какія-то приказанія часовымъ и побѣжалъ въ пересыльную тюрьму, а богатырь съ важнымъ видомъ путешественника, ожидающаго на станціи лошадей, сталъ прохаживаться около запертыхъ во́ротъ. Взявшись за поясъ и опустивъ широкую голову, крѣпко утвержденную на короткой воловьей шеѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ нетерпѣливыми шагами.

Быковъ и еще трое надзирателей вытянулись въ струнку и оцѣпили его, держась на почтительномъ разстояніи.

Но въ сравненіи съ нимъ, ихъ гарнизонныя фигуры казались плачевно-жалкими и не имѣли въ себѣ ничего устрашающаго. У Быкова на штыкѣ добродушно звякали забытые ключи.

Черезъ минуту со двора пересыльной тюрьмы вышелъ начальникъ, осанистый пожилой человѣкъ въ бѣломъ кителѣ и картузѣ съ кокардой. Онъ шелъ, не торопясь, къ воротамъ, и передъ нимъ вытягивались часовые, снимали шапки арестанты, только человѣкъ въ красной рубашкѣ и папахѣ продолжалъ ходить и едва посмотрѣлъ на него.

Начальникъ подошелъ къ могучему человѣку и началъ что-то ему говорить тихо и вразумительно. Собесѣдникъ остановился передъ нимъ, но не дослушалъ его и внезапно вскипѣлъ.

— Въ се-ре-ду-у? — заоралъ онъ на весь дворъ, размахивая руками: — это, чтобы я святую Троицу въ острогѣ сидѣлъ? Ни за что! Н-ныньче хочу! Терпѣть не могу я здѣсь! Ужъ лучше вы меня въ больницу отправьте, а то я у васъ тутъ все переломаю, перебью, и самъ изрѣжусь и изобьюсь! Желаю ныньче, сегодня, сичасъ — и больше никакихъ.

Начальникъ опять что-то сказалъ ему, отрицательно качая головой, и прослѣдовалъ въ калитку полукруглыхъ воротъ, а вслѣдъ ему загремѣлъ яростный, могучій голосъ:

— Такъ вы этакъ-то? Обманомъ заманили меня сюды, да и не пускаете? Въ тюрьму посадить хотите? Да рази это мыслимо, чтобы вольнаго человѣка лишать свободы? А? накося, что выдумали! Ну, не на того напали! Меня вездѣ по всей Рассеѣ знаютъ! Меня самъ великій князь знаетъ, и прокуроръ святѣйшаго правительствующаго синода знаетъ! Только попробуйте посадить! Я въ московской тюрьмѣ изъ окна рѣшетку выломилъ и у васъ выломлю! Я въ Петербургѣ дворцовую стражу всю разогналъ, а не токмо, что васъ! И мнѣ за это ничего не было, только патретъ съ меня сняли, да еще денегъ на дорогу дали! Вы со мной не шутите! Отпирайте, што-ль!..

Онъ подошелъ къ воротамъ, ударилъ въ нихъ на-отмашь огромнымъ кулачищемъ и загрохоталъ:

— Отпирайте!

Тишина была ему отвѣтомъ. Весь дворъ опустѣлъ: арестанты стояли кучкой въ от-

даленіи. Часовые замерли на своихъ постахъ.

Тутъ безпокойный гость началъ ругаться, все повышая и повышая свой могучій голосъ и, видимо, приходя въ ярость. Ругань была отборная, артистическая.

— Гей, анафемы, Іюды предатели, Ироды окаянные! Пять минутъ даю вамъ сроку! Не отопрете — ломать начну!..

— Накося! — продолжалъ онъ, шагая по асфальту въ ожиданіи отвѣта: — вольнаго человѣка — свободы хотятъ лишить! Гдѣ это написаны такіе законы, чтобы за безписьменность гноить человѣка по всѣмъ острогамъ, прогонять по всей Рассеѣ? А? беззаконники! Вы дайте мнѣ конвой, я и пойду себѣ пѣшкомъ, въ сутки-то шутя сто верстъ уйду, али лошадь куплю: вѣдь у меня и деньги есть! Вотъ онъ — чекъ: пойду сейчасъ въ банкъ — и возьму! Чего же вы меня держите, какъ разбойника, да еще на святую Троицу въ острогъ хотите засадить? За что, про что? Не хочу и не хочу, разнесу все — а не сяду!..

Онъ подождалъ немного и, видя, что никто не думаетъ отпирать ему ворота, подбѣжалъ къ тому окну, въ которомъ виднѣлись занавѣски, цвѣты и клѣтка съ канарейкой.

— Вотъ вамъ! Вотъ вамъ! — кричалъ онъ, выбивая кулакомъ одно стекло за другимъ: — я какъ начну бить — куда только всѣ ваши пташки-кинарейки полетятъ! Вотъ, вотъ!..

Разбитыя стекла звенѣли и сыпались на асфальтъ. За окномъ никто не откликался. Тогда вольный человѣкъ застучалъ кулаками въ ворота.

— Отпирайте, чортовы дѣти! — грохоталъ онъ: — эхъ, кабы мнѣ что-нибудь потяжельше въ руки взять!

Онъ оглядѣлся кругомъ, и внезапно взглядъ его упалъ на камень Быкова: онъ быстро схватилъ камень, поднялъ надъ головой четырехпудовую тяжесть, разбѣжался и со всего маху грянулъ камнемъ въ полукруглыя желѣзныя ворота.

Гулкій громъ прокатился по всему двору тюремнаго замка.

Камень упалъ около калитки. Часовые подбѣжали, чтобы убрать его, но богатырь быстро всталъ на него и остановилъ ихъ повелительнымъ жестомъ.

— Прочь! — гаркнулъ онъ и, поднявъ руку кверху, продолжалъ съ камня торжественно и театрально:

— Я второй Самсонъ. Убью, не подходите!

Въ это время, словно въ отвѣтъ на громовой ударъ камня, калитка воротъ отворилась, и въ нее вошло какое-то новое начальственное лицо и, повидимому, ничего не подозрѣвая, съ недоумѣніемъ оглядѣлось кругомъ. Въ тотъ же самый моментъ второй Самсонъ съ необыкновенной быстротой шмыгнулъ въ калитку.

— Убѣжалъ!.. — глухо загудѣло по всему двору.

— Заманили! — засмѣялся кто-то.

Произошла суматоха: съ пересыльнаго двора выбѣжалъ опять тщедушный и блѣдный чиновникъ, а за нимъ бѣгомъ пробѣжала толпа солдатъ человѣкъ въ пятьдесятъ.

Всѣ они ринулись вслѣдъ за Самсономъ.

А онъ стоялъ въ полутемномъ туннелѣ. прислонясь спиной къ запертымъ вторымъ воротамъ, какъ звѣрь, загнанный въ тѣсное ущелье.

— Господь далъ мнѣ силу! — сказалъ онъ: — всѣхъ васъ могу истребить, но—не хочу! Берите! Отдаюсь!..

Всѣ пятьдесятъ облѣпили его...

— Кандалы давайте! Кузнеца!

Раздался чей-то повелительный голосъ:

— Заковать!

Подъ каменнымъ сводомъ было тѣсно,

темно и шумно; всѣ суетились, толкались, галдѣли. Принесли ножные и ручные кандалы.

Богатырь лежалъ на землѣ, и его не было видно за толпой солдатъ. Онъ молчалъ. Слышалось звяканье цѣпей и удары молота по желѣзу.

Наконецъ, ворота отворились и его торжественно провели въ тюрьму.

Онъ шелъ, окруженный толпой солдатъ, окованный по рукамъ и ногамъ. Руки его были скручены и скованы за спиной, косматая папаха сдвинута на затылокъ, голова опущена, и широкая черная борода вѣеромъ лежала на выпуклой груди. Въ красной рубахѣ, огромный, мрачный, въ цѣпяхъ, онъ былъ страшенъ и походилъ на Стеньку Разина.

Арестанты стояли въ отдаленіи и сочувственно смотрѣли на героя. Онъ взглянулъ на нихъ, кивнулъ головой и, переступая порогъ тюрьмы, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Глядите, братцы: вотъ онъ, мученикъ!

Его увели.

Тогда арестанты опять собрались къ воротамъ. Но настроеніе ихъ было испорчено.

Они молчали и мрачно переглядывались. Не было слышно ни пѣнія, ни шутокъ.

Изъ тюрьмы вышелъ тщедушный тюремный чиновникъ и обратился къ нимъ съ рѣчью. Арестанты нехотя сняли шапки.

— Я вамъ долженъ, господа, объявить, что вышло распоряженіе содержать васъ въ камерахъ, а на прогулку выпускать по закону — на два часа. Сегодня — послѣдній день вашей свободы...

Арестанты глухо и недовольно зарычали.

— Это не отъ насъ, — поспѣшилъ заявить чиновникъ: — мы тутъ не причемъ... мы обязаны... сами знаете...

Онъ развелъ руками и скрылся въ калитку воротъ.

Раздался быстрый и громкій звонокъ колокола — знакъ собираться въ камеры.

Арестанты медленно и нехотя потянулись въ мрачное зданіе.

Солнце садилось, и его послѣдніе румяные лучи, блѣднѣя, угасали на неподвижной, задумчивой тучѣ. Быстро смеркалось, и повсюду наступала отрадная тишина весенняго вечера. Легкіе звуки долетали отовсюду. Откуда-то издалека доносились въ тюрьму веселые голоса и протяжное пѣніе.

На небѣ кое-гдѣ вспыхнули маленькія звѣздочки.

Злобно звеня и потрясая цѣпями, шли арестанты подъ мрачные низкіе своды подвальнаго этажа: у нихъ были отняты послѣдніе лучи свободы.

Надежды на счастье въ жизни давно уже не было.

Впереди была только тюрьма.

Столовая помѣщалась въ катакомбахъ унылаго подземелья. Черные своды смыкались надъ самой головой и давили душу. Казалось, что они еще хранятъ мрачныя воспоминанія о дыбѣ, пыткахъ и кнутѣ. Казалось, что эти черныя толстыя стѣны таятъ въ себѣ крики и стоны, звучавшіе здѣсь когда-то, въ давніе вѣка.

По небу разсыпались рѣдкія, изумрудныя звѣзды, полная красавица луна взошла надъ острогомъ и облила его бѣлыя стѣны трепетнымъ серебристымъ сіяніемъ. Она, какъ чародѣйка, околдовала своими волшебными лучами эту нѣжную, весеннюю ночь: чары ея обнимаютъ дремотную землю и тихій, серебристый воздухъ. Всюду таинственно лежатъ и расползаются мглистыя тѣни, и шепчутся тихіе, страстные звуки. Раздражающая ароматная теплота вѣетъ

въ густомъ воздухѣ и навѣваетъ нѣжныя желанія и нѣжную весеннюю тоску...

Быковъ попрежнему сидитъ па своемъ камнѣ, прислонивъ ружье къ плечу, не то дремлетъ, не то думаетъ о чемъ-то...

На кончикѣ его штыка отъ луннаго свѣта искрится лучистая брилліантовая звѣздочка.

А острогъ поетъ.

Поютъ въ каждой камерѣ, наверху и внизу, каждая камера — свою пѣсню, и пѣніе всего острога сливается въ одинъ общій пѣвучій гулъ.

Сто-нетъ онъ по тюрь-мамъ и остро-гамъ.
Въ рудни-кахъ, на желѣ-зной цѣпи-и!

глухо и мрачно гудитъ тягучая пѣсня въ нижнемъ этажѣ.

А сверху гремитъ веселый хоръ:

А на утро старикъ съ больной головой,
Онъ идетъ и блюетъ, и руг-ается...
И р-ру-га-ается!..

Буйно гудятъ басы.

Но ихъ покрываютъ изъ другой камеры:

Друзей теперь мнѣ не на-да-а!
Желѣ-зны цѣпи мнѣ дру-зья-а!
Ло-па-та вѣ-чная подруга,
А тачка—вѣрна-я жена-а!

Съ другого конца острога откликаются:

Пройдетъ зима, настанетъ лѣто.
Въ поляхъ цвѣточки расцвѣтутъ,
А мнѣ, несчастному, въ то время
Желѣзомъ ноги закуютъ.
Придетъ цирюльникъ съ бритвой острой,
Обрѣетъ правый мнѣ високъ:
Я буду видъ имѣть ужасный,
Отъ головы до самыхъ ногъ.

Но изъ всеобщаго гудѣнія выплываетъ протяжный мотивъ, полный спеціально-тюремной тоски:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На песчаные брега...

Медленными, тяжелыми волнами льется эта пѣсня о Сахалинѣ, гдѣ вѣчно звенятъ море и цѣпи...

Спитъ тамъ правда, спятъ законы,
Спятъ давно уже, давно...
И на всѣ людскіе стоны
Плещетъ море лишь одно...

Тюрьма поетъ свои страданія, клянетъ свою судьбу, прощается съ родиной и любовью, ненавидитъ своихъ тюремщиковъ и воспѣваетъ бродячую жизнь. И это пѣніе преступной, «несчастной» и бродячей Руси сливается въ одинъ глубокій и мрачный стонъ.

Быковъ сидитъ на камнѣ и порой взглядываетъ на узенькое окно круглой башни, куда посадили скованнаго Самсона. Онъ понравился Быкову своей силой: камень, такъ легко брошенный въ ворота, Быковъ пробовалъ поднять — и не могъ. Онъ прислушивается, какъ силачъ по временамъ начинаетъ бить въ желѣзную дверь башни.

— Ироды! Христопродавцы! — глухо доносится оттуда: — я всѣ ваши башни размечу, всѣ ваши пташки-кинарейки разлетятся! Наканунѣ святой Троицы! А? дьяволы! Я вамъ покажу кинареекъ!..

И Быкову слышенъ звонъ потрясаемыхъ цѣпей.

Но вотъ онъ видитъ, какъ огромныя лапы узника охватываютъ желѣзный переплетъ рѣшетки: посыпалась известка, желѣзные прутья зашатались, медленно вогнулись въ башню и—исчезли.

— Господи! — прошепталъ Быковъ, подходя къ башнѣ.

— Вотъ вамъ и рѣшетка! Вотъ вамъ ваши поганые кандалы!..

Въ окно къ ногамъ Быкова упала согнутая вдвое рѣшетка и сломанные наручники.

— Размечу! — грохотало изъ башни: — всю печку вамъ разворочаю! Господи! И для чего Ты мнѣ далъ такую силу? Неужто для того, чтобы вѣкъ въ тюрьмѣ сидѣть?

Никто не отвѣчалъ ему.

Тюрьма пѣла...

Полевой судъ.

I.

За Жигулевскими горами прячется маленькая рѣчка Уса. Начинается она въ лѣсу, около села Переволоки, въ полуверстѣ отъ берега Волги, течетъ межъ горъ навстрѣчу ей, похожая на отростокъ или «усъ» ея, и, перерѣзая наискось Самарскую Луку, впадаетъ въ Волгу верстъ на двѣсти выше, около Молодецкаго Кургана.

Если отъ Переволокъ ѣхать по этой рѣкѣ, а не вверхъ по Волгѣ, то можно черезъ нѣсколько часовъ очутиться по другую сторону Луки и такимъ образомъ, плывя по теченію, впятеро сократить разстояніе.

Встарину Усой пользовались волжскіе разбойники: они нападали на караваны около Переволокъ и, если суда убѣгали отъ нихъ,—то переволакивали свои челноки на Усу, обгоняли ихъ и вновь грабили у Молодецкаго Кургана.

И рѣка Уса до сихъ поръ сохраняетъ свой прежній разбойничій видъ: она течетъ въ Жигулевскихъ дебряхъ, межъ скалъ и ущелій, дикая, безлюдная, то исчезая въ лѣсу, то снова внезапно появляясь, то широкая и спокойная, то превращенная въ бурный потокъ, мчащійся по зубчатымъ порогамъ. Высокіе, крутые берега ея покрываетъ старый сосновый боръ, и ни разу нигдѣ не встрѣчается жилья человѣческаго. И тихо бываетъ кругомъ, когда плывешь по ней на челнокѣ съ косымъ волжскимъ парусомъ. Мѣста здѣсь все заповѣдныя, лѣса—дремучіе, и стоятъ заросшія лѣсомъ горы все такими же дикими, какъ и сотни лѣтъ назадъ. Что ни дальше плывешь по Усѣ,—берега идутъ все выше и угрюмѣе, Уса бѣжитъ подъ висящими скалами по темному ущелью, на днѣ пропасти; высоко въ небѣ громоздятся скалистыя верхушки горъ, похожія на зубчатые хребты сказочныхъ чудовищъ или развалины замковъ, а старыя сосны, качаясь отъ вѣтра, гулко поютъ буйныя пѣсни или угрюмо шепчутъ другъ другу жуткія разбойничьи сказки. Вѣтеръ въ этомъ ущельѣ ежеминутно мѣняется, издѣваясь надъ парусомъ, изъ-подъ каменныхъ береговъ звенятъ подземные ключи и чернѣютъ пещеры,

полныя темной воды. Какъ-то вѣрится здѣсь въ нечистую силу, въ колдовство, въ исполинскихъ змѣй и драконовъ. Кажется, что невидимая злая сила, тяготѣющая надъ людьми, имѣетъ здѣсь главное свое пребываніе. Выгнанная отовсюду, она прячется здѣсь, въ подземныхъ пещерахъ, подъ горами. И живутъ о каждой горѣ пѣсни и повѣрья въ жигулевскомъ народѣ и вѣетъ отъ нихъ дикостью горъ, поэзіей лѣса.

Стоитъ на Усѣ высокая, обрывистая «Дѣвичья гора»: съ нея когда-то, сотни лѣтъ назадъ, сбросили дѣвушку въ Волгу, невинную, чистую дѣвушку; и съ тѣхъ поръ каждую весну горитъ село Дѣвичье, горитъ весеннею ночью, а на горѣ, въ заревѣ пожара видятъ люди ея огненный, мстительный образъ. Уже позабыто теперь, за что ее сбросили...

Тайна кроется въ пѣснѣ.

Есть тутъ урочище «Воеводино»: стоялъ надъ Волгой красный теремъ съ высокимъ окномъ, воеводинъ теремъ, и любила жена воеводы удалого разбойника: на легкой лодочкѣ приплывалъ онъ къ ней, свисталъ по соловьиному, въ терему отворялось окно, и по веревкѣ она принимала къ себѣ атамана. Но въ послѣдній разъ не воротился онъ изъ терема: только лодка

плыла безъ него, по теченію, а за нею—молодецкая шапка съ краснымъ верхомъ, съ золотою кистью...

Тайна кроется въ пѣснѣ.

А вотъ мрачная Кудеярова гора. Кровожаденъ, жестокъ и мстителенъ былъ Кудеяръ. Лилъ, какъ воду—кровь человѣческую, а любилъ похищенную красавицу и держалъ ее взаперти, на вершинѣ горы. Кончилъ жизнь свою Кудеяръ монашескимъ подвигомъ: сталъ грѣхи свои замаливать.

Есть на Усѣ двѣнадцать малыхъ кургановъ—могилы двѣнадцати братьевъ. Позабыто уже, что это были за братья.

Глубокая, старая тайна кроется въ старомъ преданьѣ.

Все кругомъ обвѣяно тайной, поэтической пѣсней, сѣдою легендою. И начинаетъ казаться, что между стволами стараго бора, что всходитъ прямыми рядами на вершины горъ, — мелькаетъ кто-то безмолвный, кто-то величаво-печальный, могучій, въ златоверхой шапкѣ, въ дорогомъ кафтанѣ съ оторочкой.

И такъ жутко становится въ этой мрачной тишинѣ, что хочется крикнуть, хочется слышать обычный человѣческій голосъ.

Но этого только и надо горамъ: волшебное эхо подхватитъ нѣсколько словъ и долго будетъ повторять ихъ громовымъ, нечеловѣчески-мощнымъ голосомъ.

Тѣни далекаго прошлаго обитаютъ здѣсь и не признаютъ онѣ новыхъ владѣльцевъ этихъ чудныхъ горъ, все еще однѣхъ себя считаютъ онѣ хозяевами здѣшняго приволья. Воинственные, смѣлые, сильные люди когда-то жили здѣсь, и жизнь ихъ была вольной, и гибли они въ борьбѣ за волю...

Давно уже нѣтъ ихъ.

И хочется знать, кто живетъ здѣсь теперь, гдѣ потомки тѣхъ сильныхъ людей, настоящихъ хозяевъ этой страны, поливавшихъ ее кровью своей.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти мысли, неожиданно выносится Уса изъ глубокаго ущелья въ привольную долину, окруженную подковой горъ, задумчиво глядящихъ на Селитьбу, сѣрое, печальное, нищенски-бѣдное село, что пріютилось въ долинѣ на берегу рѣки,— убогое сѣло среди роскошно величавой природы.

Тутъ-же впадаетъ Уса въ широко-разлившуюся Волгу, такъ широко, что чуть виденъ простымъ глазомъ луговой, плоскій берегъ ея.

При сліяніи рѣкъ, выдаваясь впередъ, какъ на стражѣ—стоитъ грозный Молодецкій Курганъ—сказочная голова гиганта съ морщинистымъ, угрюмо-страдальческимъ каменнымъ лицомъ, съ нахмуреннымъ лбомъ и зеленымъ боромъ вмѣсто волосъ. И бьются пѣвучія волны о печальное лицо его, и шевелится подъ вѣтромъ звенящій боръ. А угрюмый Курганъ глядитъ на сосѣднія зелено-кудрявыя, ласково-спокойныя горы, цѣликомъ отраженныя въ мощной зеркальной рѣкѣ, и хмурится, и вѣчно думаетъ свои старыя, разбойничьи думы.

И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно-хорошъ этотъ благодатный край, столько въ немъ глубокаго покоя, привѣтливой ласки и нѣжной грусти, такою дышетъ онъ думой и силой, ширью и волей, что хочется позавидовать людямъ, живущимъ здѣсь, что невѣроятнымъ и невозможнымъ кажется въ краю этомъ горе людское.

Болѣе, чѣмъ сто тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ весь этотъ чудный приволжскій край—эти рѣки, земли, лѣса и горы—стали родовымъ графскимъ достояніемъ; въ неприкосновенномъ видѣ переходитъ это маленькое царство изъ рода въ родъ старой графской фамиліи, пред-

ставители которой никогда не живутъ здѣсь. Но Селитьба — древнѣе стараго графскаго рода: въ маленькой старой церковкѣ до сихъ поръ хранятся старыя лѣтописи, въ которыхъ разсказана странная исторія села.

Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ пришли сюда вольные люди, новгородскіе ушкуйники, пришли съ пищалями и бердышами, прогнали отсюда какое-то басурманское племя и «окопались около Кургана».

Жили они въ постоянной борьбѣ съ кочевыми племенами, но утвердились и стали границей царства Московскаго, стали постоянной угрозой для враговъ его.

Подвиги воинственной Селитьбы оцѣнилъ царь Алексѣй Михайловичъ: всю прилегающую къ Селитьбѣ долину даровалъ онъ имъ, и дарственная царская грамота изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранялась лучшими, старѣйшими людьми Селитьбы.

И долго жили они среди непроходимыхъ дебрей, скрытые отъ чужой жизни горами и лѣсами, и долго никто не зналъ о нихъ. Вѣкъ проходилъ за вѣкомъ, а дѣти лѣса жили безъ перемѣнъ, все такъ же, какъ и прежде, и знали только свою зем-

лю, лѣсъ и горы. Потомъ отыскало ихъ крѣпостное право, покорило и ввело въ колею. А при Екатеринѣ они были подарены вмѣстѣ съ землей, съ тѣломъ и душой въ «майоратное» вѣчное владѣніе блестящему, великолѣпному графу и всему его потомству. «Царская грамота» стала ненужной, ее забыли, потеряли. Осталась только глухая, неистребимая, незабываемая легенда о ней. И старики разсказывали внукамъ сказку «о царской грамотѣ».

Потомъ—пало крѣпостное право.

Мужики пошли на малый надѣлъ и оказались безъ клочка земли, окруженные владѣніями «графа».

И превратились они въ «рабочія руки» графскихъ имѣній, обрабатывая барскую землю послѣ воли такъ-же, какъ и до воли.

Она, эта «воля», какъ будто прошла мимо Селитьбы, не коснувшись ея.

Ушла она отъ нихъ за лѣса и горы, а они остались, какъ и прежде, неподвижными, жили покорно, и недоумѣнно страдали.

Только съ новою силой стала оживать сказка о пропавшей царской грамотѣ, только еще больше украсилась эта сказка безсознательно-красивыми вымыслами, Богъ вѣсть когда рожденными поэтической душой народа.

И вѣчно-юнымъ оставалось въ этой душѣ все давнее, легендарное, отжившее. Смутно жили въ ней вѣковыя, забытыя воспоминанія о землѣ и волѣ, о первобытной справедливости, о старой, патріархальной жизни. Родимый лѣсъ, все такой же, какъ и сотни лѣтъ назадъ, словно зачаровывалъ ихъ своими тайнами, запечатлѣвалъ и питалъ въ ихъ душѣ дремучія, вѣковыя думы. И не знали они, что сдѣлала жизнь тамъ, за этимъ лѣсомъ, за грядой таинственныхъ горъ, куда мчалась ихъ старая разбойничья рѣка и куда уносила ея воды могучая Волга...

Исторія желѣзною пятой шагала по ихъ спинамъ, а они все жили въ мірѣ лѣсныхъ сказокъ, гремящихъ ручьевъ, играющаго эха, и подъ безсознательными образами и темными, смутными воспоминаніями спящей глубокой души лежала, какъ сказочный кладъ, какая то утраченная, великая правда.

Жила въ нихъ тоска по старой, вѣчной, огромной божеской правдѣ, но не находили они словъ и образовъ, чтобы выразить эту тоску, и лежала на ихъ бородатыхъ, крупныхъ и грубо-сильныхъ лицахъ тѣнь угрюмаго страданія и каменнаго терпѣнія, и было что-то общее въ ихъ лицахъ и въ ги-

гантскомъ тысячелѣтнемъ лицѣ Молодецкаго Кургана.

И долго-бы жили они такъ въ своемъ покорномъ и таинственномъ безмолвіи, если-бы не нашлась легендарная царская грамота. Однажды во время пожара, когда горѣла въ Селитьбѣ хижина какой-то столѣтней одинокой старухи, спасавшіе ея добро выбросили въ окно маленькій старый сундучекъ, который при паденіи разбился, а изъ потайного, никому доселѣ неизвѣстнаго ящичка выскочилъ старый пергаментный свертокъ, испещренный странными буквами, исписанный малопонятными словами,—удивительный свертокъ съ большой старинной печатью.

Въ городѣ эти слова разобрали, прочли и перевели ходокамъ Селитьбы на жигулевскій языкъ.

Въ этой полусказочной воскресшей хартіи могучій царь бралъ ихъ подъ свою высокую царскую руку, миловалъ за старыя вины, а за подвиги ратные щедро жаловалъ на вѣки-вѣчные землей и угодьями. И властно была приложена тяжелая именная царская печать и «высокою» рукой подписано давно ушедшее въ глубину вѣковъ царственное имя.

Много снится людямъ сновъ золотыхъ,

много райскихъ видѣній проплываетъ надъ спящей душой человѣка, но крестьянскій сонъ всегда одинъ: крестьянину снится земля. Въ его душѣ вѣчно живутъ черныя думы о сѣрой землѣ. Вся фантастичность, вся поэзія, все безсознательное творчество всколыхнулись въ первобытныхъ душахъ этихъ питомцевъ природы. И съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ ходили ходоки села Селитьбы по судамъ и палатамъ большихъ городовъ. Они искали все какую-то «подземельную канцелярію» и взамѣнъ ея попадали въ острогъ или въ сумасшедшій домъ. Они казались выходцами изъ шестнадцатаго вѣка. Современный вѣкъ не понималъ ихъ, и они не понимали его.

А они хотѣли — суда.

Всюду подавали странныя прошенія, въ которыхъ разсказывалась сказочная исторія, и отовсюду прошенія имъ возвращали и суда начинать не хотѣли.

Многимъ казались интересными эти самобытные, оригинальные люди съ красивой типичной внѣшностью, въ живописномъ національномъ нарядѣ, съ завѣтной кожаной сумкой, съ волшебной, сказочной грамотой чуть-ли не сказочнаго царя. И смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ, какъ на дѣйствующихъ лицъ волшебной сказки,

смотрѣли у нихъ грамоту и отсылали отъ одной канцеляріи—къ другой, отъ одного адвоката къ другому.

А они шли—къ царю, но дойти не удавалось, и ни съ чѣмъ возвращались ходоки въ родную свою Селитьбу.

На нѣкоторое время мечты ихъ о землѣ какъ-бы замирали, но потомъ опять возраждались съ новой силой. Стоило кому-нибудь увѣрить ихъ, что дѣло ихъ правое, что землю высудить можно, и—опять собирался сходъ, галдѣлъ, составлялъ «приговоръ», выбиралъ ходоковъ.

И снова шли ходоки въ далекій, не понимавшій ихъ городъ, ходили долго и опять ни съ чѣмъ возвращались домой. Писали графу—графъ жилъ заграницей и ничего не отвѣчалъ имъ; нѣмецъ-управляющій гналъ ихъ, не желая слушать. Въ послѣднее время составляли приговоры «объ отобраніи земли у графа» и вручали ихъ земскому начальнику для представленія высшему начальству, но земскій грозилъ и ругался, бралъ себѣ приговоры и никому не отсылалъ ихъ.

Такъ двадцать лѣтъ тянулась эта безплодная исторія — безконечная, старая, обыкновенная, всѣмъ надоѣвшая исторія мужичьей темноты, глупости и упрямства.

И никто не могъ ихъ убѣдить, что уже безсиленъ теперь добрый Московскій царь Алексѣй Михайловичъ и безсильно его могучее царское слово, и что не встанетъ онъ для нихъ изъ древней усыпальницы московскихъ царей, чтобы заступиться за потомковъ обласканныхъ имъ вольныхъ ратныхъ людей, покорившихъ подъ «нози» его богатое волжское царство.

И никто не могъ доказать имъ, что безсильна теперь та правда, въ которую одну они вѣрятъ, которую ищутъ и не могутъ не искать, ибо глубоко заложена жажда ея въ темныхъ нѣдрахъ ихъ загадочной, молчаливой души.

II.

Въ свѣтлое майское утро, когда разлившаяся Волга и полная, бурная Уса были особенно прекрасны, отражая въ себѣ зеленыя горы, когда радостное весеннее солнце насквозь пронизывало золотымъ своимъ свѣтомъ прозрачный молочно-синій туманъ, поднимавшійся надъ ширью отрадносвѣжей, исполненной величавой нѣги, силы и спокойствія гигантской рѣки—въ это дивное утро въ чудной изумрудной долинѣ, обрамленной полукругомъ разодѣтыхъ въ нѣжную зелень горъ, на границѣ крестьян-

ской и графской земли происходило что-то необыкновенное.

Тысячная толпа съ женами и дѣтьми, съ цѣлымъ таборомъ телѣгъ, сохъ и лошадей расположилась въ полѣ.

Вся Селитьба выѣхала сюда, и, кромѣ нея, пришли толпы изъ сосѣднихъ деревень и маленькаго городка, который чуть виденъ былъ отсюда на горизонтѣ сквозь рѣдѣющій золотой туманъ.

Весь этотъ народъ галдѣлъ и копошился, какъ на ярмаркѣ. Лошади изъ телѣгъ были выпряжены и паслись около. Оглобли подняты кверху. Почти у каждой телѣги пылалъ костеръ, на которомъ женщины готовили пищу, и эти безчисленные огни придавали колоссальному табору нѣчто древне-дикое, напоминавшее бродячую народность. Говоръ мужчинъ и женщинъ, пискъ и плачъ ребятъ, ржаніе лошадей— все это давало настроеніе чего-то необычнаго, торжественнаго. А вдоль межи на цѣлую версту растянулись цѣпью триста или четыреста сохъ съ запряженными въ нихъ лошадьми. И вся эта картина удивительно гармонировала съ могучими горами, курганами, огромной сверкающей рѣкой и лѣсомъ, безконечнымъ лѣсомъ, что покрылъ собою весь горный хребетъ, отразился въ

рѣкѣ и ушелъ до края нѣжно-голубого неба.

Около межи, въ центрѣ всего табора стояло два большихъ стола, накрытыхъ скатертью.

На одномъ изъ нихъ лежали предметы и церковная утварь для молебна съ водосвятіемъ: кропило, кадило, книги, свѣчи— и еще круглый крестьянскій хлѣбъ съ вышитымъ полотенцемъ и солью въ большой рѣзной солоницѣ.

На другомъ столѣ были приготовлены письменныя принадлежности: перо, чернила, бумага—и лежала знаменитая кожаная сумка съ «царской грамотой».

Маленькій, старенькій селитьбенскій попикъ уже надѣлъ ризу и выправлялъ изъ-подъ нея жидкія, сѣдыя влолосы.

Толпа, стихая, тяжело и плотно сгрудилась къ столамъ и обнажила головы. Впереди всѣхъ стояли старшина, сотскіе и нѣсколько самыхъ старыхъ крестьянъ съ длинными сѣдыми бородами.

Начался молебенъ.

Толпа истово крестилась и вздыхала. Многіе стояли на колѣняхъ и плакали, обращая лица свои къ прозрачно-высокому, нѣжно-бирюзовому небу.

Въ тишинѣ молебствія издалека доносился густымъ, чуть слышнымъ струннымъ звукомъ шумъ лѣса и волнъ.

Наканунѣ этого дня крестьяне села Селитьбы собрались на сходѣ и составили приговоръ о «полевомъ судѣ».

Рѣшили они выѣхать въ поле, созвать туда со всей округи «окольныхъ людей», пригласить графскаго управляющаго, увѣдомить объ этомъ исправника и земскаго начальника и, въ присутствіи окольныхъ людей предъ лицомъ начальства, показать управляющему «царскую грамоту», а затѣмъ потребовать, чтобы и онъ положилъ на столъ рядомъ съ ней тѣ документы, по которымъ графъ владѣетъ землей. И тогда —какъ рѣшатъ окольные люди, такъ и будетъ: коли присудятъ землю графу—покориться и разойтись, а присудятъ мужикамъ—то запахать ее тутъ же, торжественно, всѣмъ селомъ: пусть тогда графъ судится и самъ доказываетъ свое право.

Но если при запашкѣ графскіе люди или городская полиція будутъ препятствовать, то ни въ какомъ случаѣ не сопротивляться и не прибѣгать къ насилію, а чтобы не оклеветалъ кто-нибудь крестьянъ въ сопротивленіи властямъ, то не брать съ собой никому ни палки, ни прутика, ни даже

кнута для лошади: пусть не смѣшиваютъ ихъ поступокъ съ разбоемъ, насиліемъ и захватомъ чужой собственности: они хотятъ добиться правды, законности и вынуждены послѣ двадцати лѣтъ безплодныхъ страданій обратиться къ «полевому суду».

Чуть слышно дребезжалъ голосъ попика. Глухимъ басомъ гудѣлъ дьячокъ. Густо вздыхала толпа и ровною пѣвучею волной доносилась музыка сосноваго бора. Вдали, съ горы, со стороны графской усадьбы, спускался по дорогѣ экипажъ и нѣсколько всадниковъ.

Молебенъ кончился.

Толпа опять загудѣла. Выдѣлялись отдѣльныя восклицанія:

— Исправникъ ѣдетъ!

— А верхами-то—урядники!

— Управитель-то! Рядомъ съ исправникомъ!

— И земскій съ ними!

— И всѣ — на графскихъ лошадяхъ! Ха-ха!

Послышался презрительный смѣхъ.

Скоро къ табору подкатила щегольская графская коляска, запряженная парой вороныхъ лошадей. Коляску сопровождалъ нарядъ конныхъ урядниковъ.

Мужики стихли и сняли шапки. Впере-

ди всей толпы стояли старшина и высокій красивый старикъ съ длинной, бѣлой бородой; въ рукахъ они держали хлѣбъ съ полотенцемъ и соль.

Изъ коляски медленно вышло начальство.

Пожилой, но еще бравый исправникъ походилъ на червоннаго короля: борода его, длинная, волнистая, слегка раздѣленная внизу на двѣ половины, почти уже сѣдая, ниспадала на высокую грудь; лицо у него было красивое, умное, въ большихъ веселыхъ глазахъ свѣтилось добродушіе.

Земскимъ начальникомъ былъ мѣшковатый, неуклюжій господинъ медвѣжьяго тѣлосложенія, рыжій, сутулый, со взглядомъ исподлобья, съ тупой жестокостью и злой ограниченностью въ выраженіи угрюмаго, грубаго лица. Даже фуражка съ краснымъ околышемъ сидѣла на его круглой стриженой головѣ съ широкимъ плоскимъ затылкомъ какъ-то слишкомъ опредѣленно и безповоротно, а животный затылокъ внушалъ безотчетный страхъ.

За ними изъ коляски выпрыгнулъ управляющій-нѣмецъ съ черной бородой, въ соломенной шляпѣ и парусиновомъ костюмѣ. Онъ смотрѣлъ на толпу брезгливо, не скрывая своего презрѣнія.

Старшина и красивый старикъ поднесли исправнику «хлѣбъ-соль». Надъ толпой невнятно звучали отрывочныя фразы короткой рѣчи, которую сказалъ старшина:

— ...Хлѣбомъ живемъ—хлѣбъ и подносимъ... не обезсудь... не за худомъ собрались... изволь выслушать...

Исправникъ движеніемъ руки велѣлъ положить хлѣбъ обратно на столъ и самъ подошелъ къ столу вмѣстѣ съ земскимъ, управляющимъ и урядниками. Толпа раздалась, приняла ихъ въ себя и затѣмъ опять сомкнулись вокругъ нихъ густымъ, широкимъ кольцомъ.

Исправникъ быстрымъ взглядомъ окинулъ море головъ, таборъ, костры и сохи и спросилъ мягкимъ, хриповатымъ басомъ:

— Въ чемъ дѣло? зачѣмъ собрались?

Вся толпа заговорила разомъ. Даже бабы что-то кричали, волнуясь и поднимая руки къ небу.

Исправникъ замахалъ рукой.

— Тише! Молчите! Говори кто-нибудь одинъ... выборные!

Выступили впередъ опять старшина, нѣсколько стариковъ и молодыхъ.

— Мы—выборные!

— Пусть кто-нибудь одинъ!

Раздались голоса изъ толпы:

— Епанешниковъ, говори! или ты, Башаевъ!

Сталъ говорить Башаевъ, — молодой, лѣтъ тридцати, живой, энергичный мужикъ небольшого роста, съ курчавой свѣтлой бородкой.

— Ваше благородіе! — взволнованно, смѣло, звонкимъ голосомъ крикнулъ онъ: — мы не воровать пріѣхали! Мы пріѣхали свою землю пахать! свою! Будьте свидѣтели! Вотъ здѣсь налицо господинъ управляющій, а вотъ окольные, посторонніе люди: мы сами ихъ призвали! Пусть насъ здѣсь разсудятъ, будемъ въ полѣ судиться, какъ наши прадѣды судились! Ваше благородіе! посмотрите: вотъ на этомъ столѣ лежитъ царская грамота, царская! дарственная! отъ самого въ Бозѣ почившаго царя Алексѣя Михайловича.— Башаевъ перекрестился. — Наша земля! Почему же ей владѣетъ графъ? Пускай господинъ управляющій положитъ на другой столъ графскую грамоту! Може, его грамота сильнѣе—тогда мы уѣдемъ, тамъ уже окольные люди будутъ судить! Мы требуемъ, намъ желательно, чтобы показалъ, положилъ... Мы двадцать лѣтъ... Пусть положитъ!

Звонкій голосъ его разносился по всему полю.

— Пусть положитъ!—густо откликнулась толпа.

Исправникъ затрясъ бородой, и толпа, погалдѣвъ, стихла. Впередъ выступилъ управляющій, желая что-то говорить.

Онъ говорилъ тихо, спокойнымъ голосомъ, и его рѣчь плохо была слышна въ заднихъ рядахъ.

— Я не понимайтъ...—доносились ломаныя слова:—какой такой полевой сутъ?.. Зачѣмъ сутъ?.. Какое имѣете право?.. я не обязанъ... ничего не покажу...

Толпа заглушила его враждебнымъ рычаніемъ:

— Ага! не показываетъ, нѣмчура! харя!
— Видно, и показать-то нечего!
— Слышали? не показываетъ!
— Не показываетъ!

Толпа гудѣла.

Исправникъ замахалъ платкомъ.

Когда гулъ затихъ, онъ выпрямился, тряхнулъ волнистой бородой и закричалъ, напрягая грудь:

— Предупреждаю!.. вы затѣваете противозаконное! Никакого полевого суда нѣтъ

и быть не должно! Убѣждаю васъ разойтись по домамъ!

— Не разойдемся! — загремѣло кругомъ. Начался всеобщій говоръ. Толпа начинала возбуждаться, жестикулировать... Мелькали руки, потрясаемыя бороды, оживленныя, негодующія физіономіи. Тысяча голосовъ на разные лады кричала:

— Мы требуемъ!.. пусть прочитаютъ! Двадцать лѣтъ!.. Документъ! Управитель! Богъ!... Правда... Законъ.

Земскій начальникъ давно уже весь трясся отъ злости. Блѣдный, съ потемнѣвшими, горящими глазами, онъ протолкался впередъ и что-то кричалъ рыкающимъ голосомъ, грозя кому-то кулакомъ.

Ревъ толпы сталъ затихать.

— Запрещаю!..—услышала она грозный окрикъ:—уйдите!.. бунтъ!

При этомъ словѣ все сразу стихло. Словно разомъ вспомнили всѣ уговоръ не давать повода къ обвиненію ихъ въ насиліи. Толпа словно подавила въ себѣ что-то. Только гдѣ-то позади опущенныхъ долу головъ вынырнула черная, хохлатая голова разбойничьяго типа съ дерзкими, острыми глазами и среди внезапной тишины сказала насмѣшливымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ваше благородіе! Ваше дѣло—

только запрещать! Всѣ вы — закуплены графомъ! Мы ляжемъ костьми, а не уйдемъ! Такъ и знайте!

— Не уйдемъ! — опять загудѣла толпа.—Бунтовать мы не станемъ: мы—по закону!.. Кабы захотѣли, давно-бы... какъ пыль съ лубка стряхнули!

Толпа оскорбленно рычала.

— Господа окольные люди!—нараспѣвъ зазвенѣлъ голосъ Башаева.

Онъ показался на столѣ, видный всѣмъ, и, протягивая къ народу развернутую хартію, не то кричалъ, не то пѣлъ:

— О-коль-ны-е лю-ди-и! Видѣли вы нашу царскую грамоту? вотъ она-а! глядитя! во-отъ! видѣли?

— Видѣли!—ухнула тысяча голосовъ.

— А управитель... своей графской грамоты... не показа-алъ?

— Не показалъ!—прокатилось по всему полю.

— Стало быть—чья земля?

— Ваша!—въ одинъ голосъ грянули «окольные люди».

— А коли на-ша-а, — торжествующе продолжалъ Башаевъ, все повышая и повышая свой звонкій голосъ и возбужденіемъ своимъ заражая толпу:—коли она, матушка, на-аша, то какъ же повелите вы

сдѣлать намъ, господа окольные люди? Пахать?

— Пашите!—загрохотало поле.

Исправникъ, земскій и управляющій устремились въ коляску. Старшина помогалъ имъ.

— Я ѣду къ губернатору!—взволнованно сказалъ ему исправникъ:— наблюдите, по крайней мѣрѣ, чтобы не вышло столкновенія.—Я далъ урядникамъ инструкціи—не раздражать!..

— Слушаю, ваше благородіе! Прощенья просимъ!..

Коляска покатилась.

А четыреста пахарей уже приступили къ дѣлу. И въ первой сохѣ пошелъ девяностолѣтній Епанешниковъ, красивый старикъ, подносившій хлѣбъ-соль исправнику, безсмѣнный ходокъ по дѣламъ села Селитьбы. Высокій, внушительный, съ длинной сѣдой бородой, въ лаптяхъ и длинномъ кафтанѣ, онъ всталъ на межѣ, выпрямился, какъ-то вдругъ помолодѣлъ, ожилъ, словно загорѣлся весь и, махнувъ шапкой остальнымъ, глухо крикнулъ:

— Съ Богомъ, пашите!..

Потомъ широко перекрестился, вытеръ рукавомъ слезы и взялся за соху.

— Господи, благослови!—шептали его шамкающія губы.

Урядникъ всталъ на бороздѣ, загораживая ему дорогу.

Тогда Епанешниковъ объѣхалъ его, какъ объѣзжаютъ пень, и повелъ борозду дальше, гдѣ опять молча стоялъ полицейскій чинъ.

И другимъ пахарямъ другіе урядники тоже молча становились поперекъ борозды, и они, какъ и Епанешниковъ, объѣзжали ихъ, и въ рукахъ у всѣхъ не было кнутьевъ.

И стало покрываться обширное поле кривыми, вычурными бороздами, похожими на какія-то никому невѣдомыя письмена, на древніе кабалистическіе знаки, въ которыхъ словно скрытъ былъ глубокій, тайный смыслъ и ключъ къ пониманію души народа.

Гигантскими буквами начертали они на родимой землѣ свою правду, свой крикъ о справедливости. И казалось имъ, что этотъ крикъ пронесется могучимъ набатомъ и разбудитъ Россію.

Три дня и три ночи, всѣмъ таборомъ и не отпуская отъ себя «окольныхъ людей», жили они въ полѣ, дожидаясь губернатора.

На четвертый день онъ явился къ нимъ—все съ тѣмъ же исправникомъ, съ земскимъ начальникомъ, окруженный конною стражей, съ возомъ свѣжихъ розогъ, нарѣзанныхъ въ графскомъ лѣсу.

Грознымъ, взбѣшеннымъ, неистовымъ предсталъ губернаторъ. Высокій онъ былъ, здоровый, женоподобный, съ бритымъ румянымъ лицомъ и стриженой сѣдой головой.

И, завидя его, встала вся толпа на колѣни, а старшина и Епанешниковъ поднесли хлѣбъ-соль. Мольба была на лицахъ толпы, и слезы стояли въ глазахъ ея.

Но ударилъ онъ по хлѣбу и разсыпалъ соль.

Не говорилъ — визжалъ губернаторъ... Клейкая слюна брызгала изо рта его на золотое шитье мундира.

Началъ онъ рѣчь свою словами: «бездѣльники», «разбойники», а кончилъ крикомъ: «будете наказаны!»

И велѣлъ схватить «зачинщиковъ».

Было ихъ схвачено сорокъ три, самыхъ старыхъ, самыхъ почтенныхъ, самыхъ уважаемыхъ, лучшихъ людей Селитьбы.

Тутъ же, на захваченной землѣ, положили ихъ.

Молча и покорно легли они на родимую землю, окруженные густымъ кольцомъ губернаторской стражи, и слышно было, какъ свистѣли въ воздухѣ длинные прутья, да раздавались глухіе, сдержанные, словно подземные—стоны.

Толпа безмолвно и неподвижно стояла все здѣсь же, и слезы текли по лицамъ ея.

Плакалъ самъ исправникъ, которому поручено было руководить наказаніемъ. Только земскій начальникъ радовался и наслаждался. Подъ свистъ розогъ неумолимо, непреклонно и ненасытно звучалъ его грубый, рыкающій голосъ:

— Крѣпче! Кр-рѣпче!

По сто ударовъ получили они.

На мужицкія же телѣги замертво положили ихъ, окровавленныхъ, и повезли, какъ везутъ съ бойни освѣжеванное мясо.

Кровавая лужа осталась на мѣстѣ казни.

И когда везли ихъ медленнымъ, зловѣщимъ обозомъ въ село, то кровь текла сквозь окровавленныя телѣги и сочилась на землю большими тяжелыми каплями, и

кровавый путь шелъ къ селу отъ мрачнаго мѣста «полевого суда».

По сто ударовъ получили они.

III.

Цѣлый годъ они сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, того настоящаго, подлиннаго суда, котораго такъ долго добивались. Крѣпкія натуры вынесли жестокую пытку.

Черезъ годъ ихъ судили въ томъ самомъ маленькомъ городкѣ, который въ дымкѣ волжскаго тумана былъ виденъ изъ Селитьбы, откуда призвали они «окольныхъ людей».

Въ маленькомъ, убогомъ залѣ уѣзднаго суда они сидѣли всѣ сорокъ три, занимая скамьи, приготовленныя въ обычное время для публики, и казалось, что не ихъ судятъ, а они пришли судить.

Лица ихъ не были печальными, но были исполнены торжества и увѣренности въ своей правотѣ.

Судили ихъ добросовѣстные чиновники, равнодушные порядочные люди, старались отнестись къ нимъ справедливо и — осудили.

Когда послѣ этого вели ихъ къ Волгѣ, на пристань, чтобы отправить въ губернскій

городъ и снова посадить въ тюрьму—былъ опять сіяющій весенній день.

Уса и Волга смѣшали свои воды, затопили берега и разлились такъ широко, что чуть виденъ былъ далекій луговой берегъ, а на мѣстѣ полей отъ города до Селитьбы сверкало на солнцѣ веселое играющее море, и вдали маячила надъ нимъ богатырская голова Молодецкаго Кургана.

Попрежнему подковой стояли кругомъ зеленыя бархатныя горы и привѣтливо улыбались, отражаясь въ спокойной, полной рѣкѣ.

И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно хорошъ былъ этотъ благодатный край, столько въ немъ было всепрощающаго спокойствія, терпѣливаго незлобія и нѣжной, женственной грусти, что странно было видѣть, какъ солдаты съ саблями на-голо вели къ берегу кучку добродушныхъ, смиренныхъ людей.

Двигалась вслѣдъ за ними огромная толпа народа: вся Селитьба была тутъ и вся округа, и всѣ жители городка, жаднаго до зрѣлищъ.

А они шли, понуривъ головы, ни на кого не глядя, и было что-то недоумѣвающее въ ихъ согбенныхъ спинахъ и тяжелыхъ движеніяхъ. Казалось, что они все

еще не вѣрятъ въ подлинность произведеннаго надъ ними суда и уносятъ въ своей разочарованной душѣ неистребимыя древнія сказки и фантазіи и какую-то необнаруженную тайну о поискахъ божеской правды.

И казалось, что, опять не найдя ея, они теперь снова идутъ на самые дальніе, самые тяжелые поиски, что легенда о царской грамотѣ не только не замретъ, не разсѣется, но будетъ ярко расцвѣчена цвѣтомъ ихъ крови, украшена пѣснью о страшномъ губернаторѣ, о пыткахъ, цѣпяхъ и тюрьмахъ, о слезахъ и страданіяхъ, о неправедныхъ судьяхъ...

Глухо и тяжко двигалась за ними безчисленная толпа. Не было ни говора, ни плача: молча двигалась пестрая толпа по песчаному берегу, и желтымъ облакомъ стояла надъ ней густая золотистая пыль, освѣщенная весеннимъ обиліемъ солнечнаго свѣта.

И когда вошли они по гибкимъ сходнямъ на буксирный маленькій пароходъ — вся толпа сгрудилась къ самой водѣ и молча стояла колыхающейся массой, и сотни лицъ и глазъ обращены были къ нимъ.

Пароходъ медленно отходилъ. А они стояли всѣ въ рядъ, у борта парохода,

блѣдные, съ крѣпко-стиснутыми челюстями, судорожно схватившись напряженно-вытянутыми руками за перила.

Стояли неподвижно, словно окаменѣлые, впиваясь остановившимися глазами въ родную толпу, въ родныя горы. И въ этой каменной неподвижности ихъ чувствовалось тяжкое напряженіе огромной силы, и каменными казались крупныя лица ихъ, и желѣзными казались вцѣпившіеся скрюченные пальцы.

Долго уходилъ пароходъ, уплывая все быстрѣе и дальше, становясь все меньше.

Долго стояла толпа на берегу и все смотрѣла въ блестящую рѣчную даль, гдѣ въ сіяніи весенняго дня черной точкой потонулъ пароходъ.

Мало-по-малу, безъ говора и шума, какъ послѣ похоронъ, растаяла толпа и уползла кучками по различнымъ дорогамъ.

Никого изъ людей не осталось на берегу.

Кругомъ была одна природа—неизмѣнная, жизнерадостная и равнодушная къ людямъ: подъ щедрыми лучами солнца остались Волга и горы, полныя глубокаго безмолвія и покоя: такими онѣ были сотни лѣтъ назадъ и все такими же остаются теперь.

Зеленыя, кудрявыя горы цѣликомъ отражаются въ зеркальной глубинѣ, чуть виденъ вдали плоскій луговой берегъ, да Молодецкій Курганъ—богатырская голова съ мощнымъ выраженіемъ каменнаго терпѣнія и таинственной печали на морщинистомъ тысячелѣтнемъ лицѣ —угрюмо смотритъ на окружающую ширь и хмурится, и вѣчно думаетъ свои старыя, разбойничьи думы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

